

№156 8

363

W158 5

Лев Толстой

НА МОГИЛУ

„Народное Издательство“

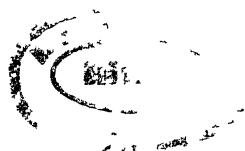
502

95 $\frac{1}{392}$

„Народное Издательство“.

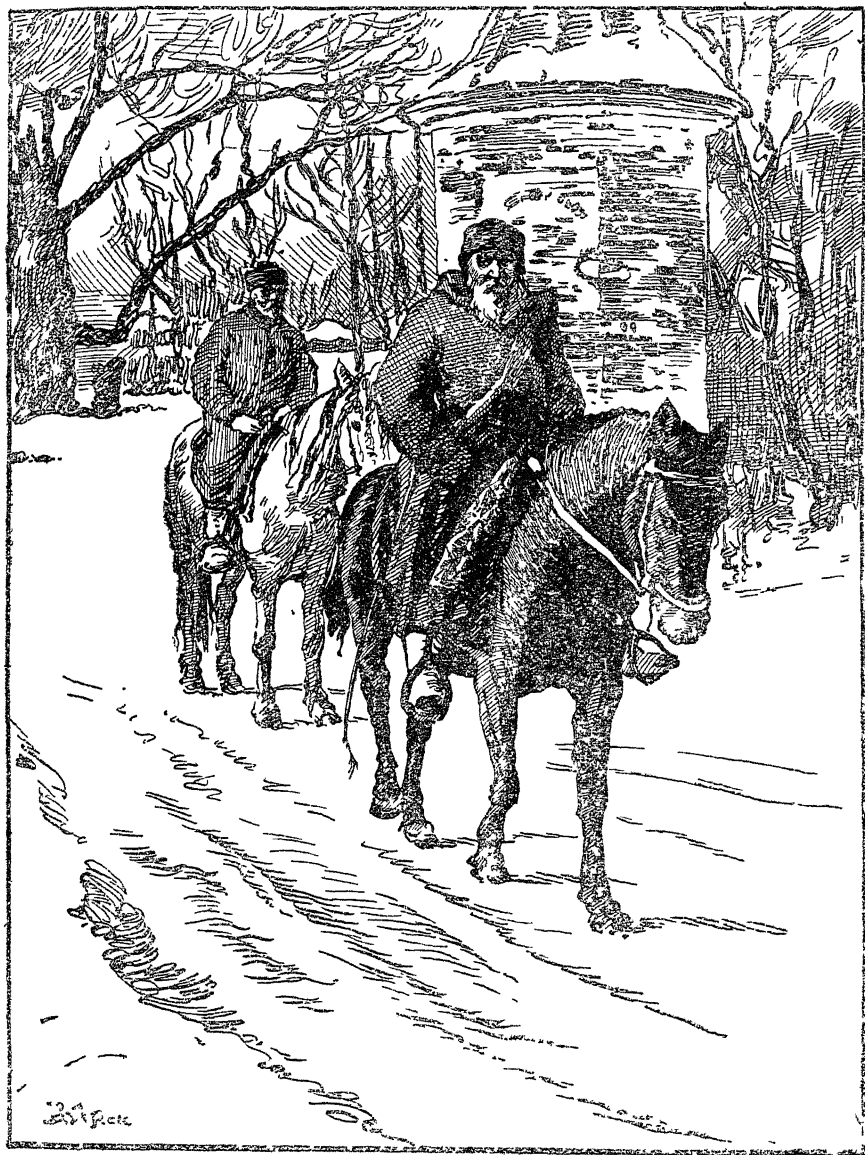
На могилу Л. Н. Толстого.

МОСКВА,
Типографія „Народнаго Издательства“, Б. Дмитровка, 26.
1910.

Левъ Николаевичъ Толстой.

Л. Н. Толстой и д-ръ Д. Маковицкій на прогулкѣ.

В. Я. Лизиміровъ.

„Воскресеніе“.

„Ушель“...

Когда, въ ночь на 28-е октября, Левъ Николаевичъ оставилъ родное гнѣздо—Ясную Поляну, гдѣ онъ провелъ дѣтство, юность и лучшіе годы,—весь міръ содрогнулся великому и страшному, въ 82 года, рѣшенію.

И хотя супруга его, подѣлѣвъ впечатлѣніемъ „обида“, покушалась на самоубійство, но вскорѣ вся семья преклонилась предъ волей главы и рѣшила: ничѣмъ не докучать ему, не уговаривать вернуться и не разыскивать его.

Онъ почувствовалъ съ неопровержимой ясностью противорѣчіе той барской жизни, которую онъ, въ угоду семьѣ, вынужденно велъ, уже послѣ того, какъ всей силой великаго ума и сердца, пришелъ къ сознанію иной, высшей цѣли жизни и своего назначенія на землѣ.—„Не могу дольше терпѣть! Невмоготу!—сказалъ онъ самъ себѣ.—Я не въ силахъ здѣсь исполнить Волю Пославшаго меня въ міръ.

И какъ тридцать лѣтъ назадъ, когда онъ изъ блестящаго, свѣтскаго графа началъ свое „опрошеніе“, великій Левъ, несмотря на бременящіе его годы, смѣло переступилъ, какъ Будда, и теперь еще порогъ... послѣдній...

Тогда, отдавшись весь порыву „самоочищенія“, зрѣвшимъ давно—въ Пьерѣ Безуховѣ и Левинѣ—Толстой далъ міру единственный по глубинѣ, силѣ и искренности „человѣческій документъ“—свою „Исповѣдь“.

Съ безошибочной откровенностью, съ которою до него рѣшилъ обнажиться одинъ Руссо, великій художникъ вскрылъ самаго себя, осудилъ за прошлое и принесъ всенародное покаяніе.

Онъ началъ новую жизнь—службу народу.

И шагъ за шагомъ изъ великаго художника выработался въ еще болѣе величественный образъ—библейскаго пророка.

Толстой—по свойству своего огромнаго дарованія и прониновенности исключительной натуры—не могъ остановиться на полъ-пути.

Какъ раньше его не удовлетворила слава перваго писателя и міровое признаніе, такъ и теперь его мучили фальшь и противорѣчія культурнаго барства, окружавшаго его почетную старость.

Въ письмахъ къ друзьямъ и тѣмъ немногимъ избранникамъ духа, которые,—какъ художникъ Ге и В. Г. Чертковъ,—умѣли затрагивать самыя больныя струны его души, онъ постоянно признавалъ:

— Да, я живу не такъ, какъ надо, какъ учу жить другихъ!

И послѣдовательно онъ дошелъ, наконецъ, и до послѣдней грани:

— Не могу дольше!—сказалъ онъ самъ себѣ, — жить среди этой мармеладной сладости „сіятельной“ семьи, купающейся въ моей „славѣ“, среди всѣхъ этихъ стригущихъ купоны съ ренты моего генія, восхищающихся, подлаживающихся, пресмыкающихся, опекающихъ, скованный „ласковыми“ цѣпями...

И онъ рѣшился.

Просто, безъ ненужныхъ словъ и „объясненій“, онъ ушелъ изъ дома, вмѣстѣ съ докторомъ Маковицкимъ, оставивъ женѣ краткую записку:

„Хочу остатокъ жизни провести въ уединеніи“.

Одинокій, какъ маякъ среди пустыни моря, высылся онъ одинъ надъ людьми, указывая всѣмъ путь къ новой, свѣтлой жизни...

Что же удивительнаго, что, онъ, давши своей семьѣ все, что можетъ дать человѣкъ, — пытался уйти туда, гдѣ ему и быть должно,—въ людское море?..

Тернистый и страшный путь въ 82 года!..

Но развѣ все, что уцѣлѣло еще свѣтлаго и чистаго на Руси, не дали ей именно только эти свѣточы духа?

И развѣ не праведностью великихъ страстотерпцевъ и „живъ духъ“ нашего народа, такъ поражающаго незлобиво-
стью и дѣтскимъ сердцемъ европейцевъ?

Царь духа и смиренный сынъ великаго народа ушелъ
изъ Ясной Поляны.

Куда?

Ко всѣмъ намъ—въ „міръ“—пустыню.

И его „уходъ“, какъ оказалось, угадывали тѣ, кто чу-
ялъ его лучше „близкихъ“,—яснополянскіе крестьяне.

Переполохъ.

„Уходъ“ Толстого произвелъ переполохъ во всемъ свѣтѣ и не было страны, въ которой онъ не вызвалъ бы самаго живого отклика и интереса.

Газеты обоихъ полушарій стали полны статьями о Тол-
стомъ. Мнѣнія высказывались разнообразныя, но всѣ они
сходились на одномъ:

„Толстой поступилъ вполне послѣдовательно“.

Парижская газета „Время“ рассказывала о разладѣ въ
семьѣ Толстого. Она увѣряла, что давно „семья настаивала
на продажѣ всѣхъ его сочиненій за 1,000,000 рублей, но
Л. Н. категорически отказался исполнить это желаніе. Отно-
шенія еще болѣе обострились вслѣдствіе отказа Л. Н. отъ
преміи Нобеля, которая должна была быть ему присуждена.

Андре Бонье, въ газетѣ „Фигаро“, объяснилъ уходъ
Толстого ближе къ нашимъ толкованіямъ:

„Желаніе Толстого уйти изъ Ясной Поляны основано ис-
ключительно на желаніи избавиться отъ тяготившей его
двойственности—несоотвѣтствія между жизнью, которую ему
приходилось вести, и принципами, которые онъ исповѣдуетъ“.
Бонье рассказывалъ, какъ онъ посѣтилъ Л. Н. лѣтъ 12 тому
назадъ. У него было нѣсколько духовоборовъ. Однажды, послѣ
бесѣды съ ними, Левъ Николаевичъ сказалъ: „Они живутъ со-
гласно своимъ приципамъ“,—и черезъ минуту прибавилъ:
„Вполнѣ согласно своимъ принципамъ“.

— Эти слова,—замѣчаетъ Бонье,—до сихъ поръ звучать
въ моихъ ушахъ. Вотъ, что мучило Толстого, вотъ подкладка
его нынѣшняго поступка.

Въ Англіи, гдѣ за послѣдніе годы печатались всѣ новыя произведенія Льва Николаевича, его уходъ произвелъ особенно сильное впечатлѣніе. Тамъ, въ теченіе дня, газеты выпускали нѣсколько добавленій, посвященныхъ исключительно Толстому.

Одна изъ самыхъ серьезныхъ газетъ, „Стандартъ“, возмущалась промелькнувшими въ легкомысленной части печати сплетнями о томъ, будто Толстой ушелъ изъ Ясной Поляны ради рекламы. Газета писала:

„Надо утратить всякое понятіе о порядочности, чтобы заподозрить въ саморекламириваніи человѣка, имя котораго благоговѣнно чтить все мыслящее человѣчество“.

Въ Германіи вся печать тоже была полна статьями о Толстомъ, но она отзывалась о немъ болѣе сдержанно. Коегдѣ даже проскальзывали намеки на то, что русское правительство давно тяготеетъ дѣятельностью Толстого...

Очень хорошая статья появилась въ газетѣ „Берлинеръ Тагеблатъ“. Тамъ писали, что Толстой, уже давно ставшій на недосыгаемую для простыхъ смертныхъ высоту, теперь, уйдя отъ близкихъ людей и привычной обстановки, унесся въ высь, на которой еще не стояли люди. Его сравнивали въ великимъ Буддой.

Интересную статью посвятила Л. Н. Толстому вѣнская газета „Свободная печать“:

„Онъ ушелъ въ одиночество, смягчающее скрытыя раны великихъ людей. Мы жалѣемъ жену Толстого. Однако, признаемъ, что она тоже повинна въ его уходѣ изъ Ясной Поляны. Она привязывала его незамѣтными узлами къ дѣйствительной жизни, находящейся по ту сторону святости и самоотреченія. Толстой хочетъ засвидѣтельствовать истинность своего ученія. 80-лѣтній старикъ находится въ состояніи полнаго броженія. Онъ ошущу подвигается въ своемъ развитіи впередъ. Это чудо происходитъ съ Толстымъ—всегда великаномъ-ребенкомъ. Одновременно съ его уходомъ изъ Ясной Поляны, міръ потерялъ средоточіе художественнаго интереса и мѣсто паломничества, откуда всегда исходилъ свѣтъ, который, правда, иногда и опалялъ. Это—потеря великой надежды“.

Газета „Время“ писала:

„Толстой бѣжитъ навстрѣчу смерти, которой онъ долго и тщетно ждалъ въ Ясной Полянѣ. Только смерть можетъ принести ему утѣшеніе послѣ жизни, полной противорѣчій“.

— Будемъ надѣяться, что Левъ Николаевичъ пошелъ навстрѣчу не смерти, а новой жизни,—возражали друзья, но тревожныя нотки, въ виду старости Л. Н., проскальзывали всюду.

„Вѣнскій Ежедневникъ“ скорбилъ о томъ, что мы не сумѣли оцѣнить идеаловъ Толстого, не сумѣли оцѣнить его:

„Если бы мы осуществили хоть тысячную долю того, что проповѣдывалъ намъ Толстой, на землѣ воцарился бы рай“.

Въ Бельгіи газеты говорили о семейныхъ неурядицахъ, будто-бы имѣвшихъ рѣшающее вліяніе на поступокъ Толстого. А газета „Вечеръ“ съ поразительной развязностью называла уходъ Толстого „актомъ безумія“.

Противъ ожиданія, клерикальная католическая, какъ и русская черносотенская, печать воздерживалась отъ всякихъ „выступленій“. Она печатала только телеграммы, безъ всякихъ поясненій.

Вообще, князья католической церкви, очевидно, растерялись и не знали, какъ отнестись къ трагедіи Толстого.

Въ Италіи, напримѣръ, ватиканскія газеты почти совсѣмъ замалчивали уходъ Толстого.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ пытался было бесѣдовать по поводу этого вопроса съ кардиналомъ Ванутелли, близкимъ къ папѣ, и кардиналъ принялъ его, но какъ только рѣчь зашла о Толстомъ, Ванутелли заявилъ, что онъ боленъ и продолжать бесѣду не можетъ.

За то итальянскія газеты, не зависящія отъ Ватикана, были переполнены статьями о Толстомъ.

Газета „Рационе“ заявила, что уходъ Толстого не только понятенъ, но изумителенъ по своему величію.

„Напрасно Толстого упрекали въ отсутствіи религіозности. Онъ всегда былъ религіозенъ, и только религіозность заставила его передъ смертью уйти отъ людей“.

„Итальянскій Журналъ“ объяснялъ:

„Толстой является величайшимъ писателемъ нашихъ дней. Проповѣдь опрощенія и непротивленія злу привела его къ затворничеству въ Ясной Полянѣ. Пережитыя разочарованія заставили его, можетъ быть, удалиться въ монастырь. Толстой всегда искалъ святости жизни, но до послѣднихъ дней жилъ въ своемъ имѣніи, окруженный комфортомъ. Послѣдній

шагъ великаго проповѣдника нравственно является его послѣдней попыткой приближенія къ этой святости“.

Еще большій переполохъ произвелъ „уходъ“ Толстого, конечно, въ Россіи, особенно въ виду болѣзни, „отлученія“ и его загадочнаго, вначалѣ, посѣщенія Оптиной пустыни и Шемардина монастыря, гдѣ давно живетъ инокиней его сестра Марія Николаевна.

И уже 3-го ноября святѣйшій синодъ собрался на совѣщанье, чтобы, по предложенію совѣта министровъ и на основаніи донесенія тульского епископа Парфенія, видѣвшагося недавно съ Л. Н.—пересмотрѣть вопросъ объ его „отлученіи“ отъ церкви

Перезвонъ.

Доля писателя—доля извѣстная:
Ночи безсонныя, дни безпро-
свѣтныя...

Доля раба—застремленія чистыя,
Горькихъ сомнѣній тоска безъ-
исходная,

Жизнь горемычная, кличка не-
лестная,

Смерть въ одиночествѣ, полу-
голодная...

„Уходъ“ писателя-пророка, не только „занялъ“ всѣхъ, онъ поглотилъ въ себѣ всѣ остальные думы и интересы, властно заставляя задумываться надъ самымъ главнымъ, на что у насъ обыкновенно времени не хватаетъ:

Надъ смысломъ жизни.

Чтобы хоть нѣсколько понять—почему поступокъ частнаго человѣка, не занимавшаго никакого оффиціально-высокаго положенія, такъ „ошарашилъ“ все человѣчество, вспоминали все, что о немъ писалось 2 года назадъ, когда весь міръ чествовалъ его 80-лѣтіе.

А. Ф. Кони:

„Твоимъ огнемъ душа палама,
„Отвергла мракъ мірскихъ суетъ“.

... Тотъ, кто узналъ его (Л. Н. Толстого) ближе, не можетъ не молить судьбу продлить его жизнь. Она дорога для всѣхъ, кому дорого исканіе правды въ жизни и кому свойственно то, что Пушкинъ называлъ „ропаніемъ вѣчнымъ души“, а Некрасовъ—„святымъ безпокойствомъ“...

... Путешественники описываютъ Сахару, какъ знойную пустыню, въ которой замираетъ всякая жизнь. Когда смеркается, къ молчанію смерти присоединяется еще и тьма. И тогда идетъ къ водопою левъ и наполняетъ своимъ рычаніемъ пустыню.

Ему отвѣчаетъ жалобный вой звѣрей, крики почныхъ птицъ, и далекое эхо—пустыня оживаетъ...

Такъ было и съ нашимъ Львомъ.

Онъ могъ заблуждаться въ своемъ гнѣвномъ исканіи истины, но онъ заставлялъ работать мысль, нарушалъ самодовольное молчаніе, будилъ окружающихъ отъ сна и не давалъ имъ утонуть въ застоѣ болотнаго спокойствія...

А. М. Хирьяковъ:

... Съ той огромной высоты, на которой стоитъ этотъ человѣкъ, ему, какъ на ладони, видны всѣ слабости, всѣ извороты и обманы людскіе. И онъ старается распутывать тѣ узлы и веревки, которыми спутано человѣчество.

Но онъ не ограничивается этой одной работой.

Съ той же недосыгаемой высоты онъ видитъ новыя, еще невидимыя для другихъ людей пути; онъ видитъ, какъ восходитъ гдѣ-то далеко-далеко новое солнце новаго человѣческаго самопознанія. И со всей силой своего генія, онъ зоветъ все человѣчество къ этимъ новымъ путямъ, къ новому, немеркнушему солнцу...

В. Г. Короленко:

.... Толстой—огромный художникъ, какіе рождаются въ-камп. И творчество его кристально, чисто, свѣтло и прекрасно...

Міръ Толстого—это міръ, залитый солнечнымъ свѣтомъ,

простымъ и яркимъ, міръ, въ которомъ всё отраженія по размѣрамъ, пропорціямъ и свѣтотѣни соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а творческія сочетанія совершаются въ соотвѣтствіи съ органическими законами природы...

Художественный захватъ Толстого,—это не тропа, не просѣлка, не межа дороги. Это—огромный, далеко и широко раскинувшійся кругозоръ, лежащій предъ нами во всемъ своемъ неизмѣрномъ просторѣ...

Толстому по силамъ то, подѣ чѣмъ измогъ-бы всякій другой...

... Это почти нечеловѣческая сила воображенія и почти магическая власть надъ кипящими отраженіями жизни!

К. И. Чуковский:

Мнѣ даже какъ-то странно, что Толстого зовутъ „великимъ писателемъ“.

„Великіе писатели“, это—Флоберъ, Гете, Пушкинъ. Мы читаемъ ихъ и говоримъ: какъ они хорошо писали! И какъ тонко!! И какъ глубоко!

А Толстой—раскройте-ка его „Войну и миръ“ и начните читать. Все это какъ-будто создано не человѣкомъ, какъ-будто это такое же стихійное явленіе природы, какъ лѣсъ, солнце, какъ океанъ.

Кажется, „Война и миръ“ не написана, а выросла сама собой, вотъ какъ вырастаютъ деревья...

И порой думается: можетъ и нѣтъ никакого Толстого, а всё эти тысячи людей возникли сами собой. И сами собой закопошились въ этихъ страницахъ, какъ копошимся мы на землѣ....

А. И. Измайловъ:

... Измѣряйте величіе людей по полнотѣ воплощенія ими эпохи.

Чеховъ воплотилъ два десятилѣтія, вобравъ въ себя всё лучи ихъ, свелъ въ одну точку. Онъ—большой и прекрасный. Но онъ малъ передъ Толстымъ, который воплотилъ въ себѣ цѣлый вѣкъ. Толстой такъ типиченъ, показательнъ, характеренъ для XIX вѣка, какъ Вольтеръ для XVIII или Златоустъ для IV.

Разъ на протяженіи длинныхъ ста лѣтъ природа совершаетъ чудо, рождая великолѣпные самородки, которымъ дано таинственно кристаллизовать въ себѣ порывъ вѣка, всю его красоту, всѣ его лучи, всю его игру...

Всю мучительную работу вѣка—его сомнѣнія, невѣріе, его жажду возстанія, его переоцѣнку, отпаденіе отъ культуры, опрощеніе,—все это пережилъ и воспѣлъ Толстой.

И для переживания у него была вся тончайшая чуткость нервовъ, и для разсказа—удивительнѣйшія слова, тайну которыхъ онъ унесетъ съ собой въ могилу, какъ унесли свою тайну Рафаэль и Корреджіо.

Что-то общее съ силуэтами древнихъ пророковъ, древнихъ мудрецовъ, въ родѣ Сократа, въ родѣ нашего перваго философа Сковороды—есть въ Толстовѣ, въ его опрощеніи, въ его дерзновеніи, съ какимъ онъ въ вѣкъ холопства говорилъ только правду и пророчествовалъ...

Одной могучей силой искренности и генія, властью слова и любви стеръ Толстой границы государствъ, заставивъ забывать національную, религіозную, сословную, классовую и иную рознь...

И слилъ все человѣчество въ одну семью.

Какъ Гомеръ, Кантъ, Шекспиръ,—Толстой властелинъ думъ вѣка.

Онъ не только солнце мысли и творчества, онъ—цѣлая солнечная система.

Удивляться ли, что судьбой писателя-пророка было заинтересовано все человѣчество?

И всѣ хотѣли знать: откуда будетъ отнынѣ грѣтъ и свѣтитъ наше міровое свѣтило, казалось, слившееся на-вѣки съ Ясной Поляной, съ ея „ясенькой“ и „дубомъ бѣдныхъ“...

А не согрѣвать и не освѣщать пути жизни для всѣхъ—онъ не могъ... пока былъ живъ...

На судъ святѣйшаго синода.

Вопросъ о снятіи съ великаго мірового писателя „отлученія“ отъ православія, наложеннаго 9 лѣтъ назадъ, въ разгаръ политической борьбы съ кормчимъ, К. П. Побѣдоносцевымъ во главѣ—дважды занималъ св. синодъ: 3 и 7 ноября, и судя по свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать,

не только премьеръ П. А. Столыпинъ, но и весь совѣтъ министровъ, не исключая оберъ-прокурора св. синода—Лукьянова, стояли на сторонѣ рѣшительнаго примиренія церкви съ ея лучшимъ, достойнымъ сыномъ, хотя оберъ-прокуроръ и не „насиловалъ волю“ владыкъ митрополитовъ.

Каковы бы ни были „прегрѣшенія“ гордости Россіи противъ формы и догмы православія, не составляющихъ отъпынѣ, послѣ указа 17-го апрѣля, ни преступленія, ни проступка,—всѣ, кто не ослѣпленъ злобой, не могли не сознавать, что Левъ Толстой, не колебалъ, а утверждалъ вѣру. И самъ, своею жизнью и проповѣдью, толкованіемъ и блюденіемъ евангельскихъ завѣтовъ, всѣ силы своей души и огромнаго ума отдалъ утвержденію правды и „царства Божьяго“ на землѣ.

Поэтому, примиреніе церкви съ Л. Н. Толстымъ было дѣломъ необходимымъ не только для возстановленія справедливости, какъ актъ, нужный для „малыхъ сихъ“ и для общественнаго мнѣнія всего міра, но и какъ актъ мудрой государственной предусмотрительности.

Это сознавали нѣкоторые члены св. синода.

Ради этого, петербургскій митрополитъ Антоній, по порученію синода, отправилъ ему примирительную телеграмму, а мѣстному епископу Кириллу, предписалъ, сверхъ того, пустить въ ходъ и медъ архипастырскаго краспорѣчія...

Показать синодскую телеграмму Льву Николаевичу близкіе его, однако, не рѣшились:

При слабомъ сердцѣ—было жестоко добивать тяжело больного, стоящаго одной ногой въ могилѣ.

Не оказалось также возможнымъ допустить къ нему еп. Кирилла, являвшагося не просто исполнить обрядъ и принять въ лоно церкви „Бога Люви и Всепрощенія“ ею же отторженнаго сына, а—вразумлять и протолковывать его „заблужденія“.

Никому изъ „смирненныхъ“ князей церкви не пришла въ голову причта о „блудномъ сынѣ“.

Никто изъ нихъ не вспомнилъ завѣтъ Христа—не давать „камень вмѣсто хлѣба“.

И—про великій манифестъ 17 апрѣля, разрѣшившій каждому по-своему исповѣдывать Господа, „въ сердцѣ своемъ“ и естественно покрывшій собой формальный актъ же-

стокаго отлученія отъ церкви пламенно-вѣрующаго, лучшаго сына ея...

Когда митрополитъ Филаретъ въ одной изъ бесѣдъ съ безсмертнымъ „докторомъ бѣдныхъ“—Гаазомъ, заколебался: можетъ ли онъ, по своему сану, ходатайствовать и молиться за осужденныхъ по суду преступниковъ, его собственная совѣсть подсказала ему отвѣтъ.

— Не Христосъ забылъ меня,—спохватился владыко,— а я въ эти минуты забылъ про Него!—воскликнулъ онъ.

И радостно согласился исполнить „просьбу сердца“, которое у д-ра Гааза всегда горѣло однимъ истинно-христіанскимъ порывомъ:

Любовью къ ближнему.

Онъ помнилъ главный завѣтъ: „Вѣра безъ дѣлъ—мертва“.

Не заботясь о внѣшней формѣ и догмѣ, онъ неуклопно исполнялъ волю Христа дѣлами добра и милосердія.

И именно за это удостоился лучшаго памятника—всеобщей любви и почитанія.

Великій Левъ, какъ и первые христіане-мученики, какъ и д-ръ Гаазъ, установилъ взглядъ на церковь тоже чисто-евангельскій:

„Когда двое соберутся во имя Мое—Я среди васъ“.

Всю свою жизнь всѣ исключительныя силы своего ума и сердца онъ тратилъ только на одно, на утвержденіе „Царства Божьяго на землѣ“, заботясь не о мертвой формѣ исповѣданія вѣры, а о сути ея—праведной жизни и добрыхъ поступкахъ.

Но святѣйшій синодъ, подъ давленіемъ нашихъ правыхъ и реакціоннаго салона гр. Игнатьевой, пошелъ по иному пути.

Автору величайшихъ произведеній, насквозь проникнутыхъ высшими завѣтами Христа—любовью и всепрощеніемъ, дававшего въ своей „Исповѣди“ единственный по силѣ и искренности человѣческой документъ блужданій ума и возврата къ вѣрѣ, герою-офицеру, рисковавшему жизнью за отечество въ страшную годину Севастополя,—служители алтаря Бога любви отказали въ примиреніи съ собой

Неосторожный шагъ, сдѣланный подъ вліяніемъ К. П. Побѣдоносцева, мечтавшаго заморозить человѣческую мысль и совѣсть на вѣчныя времена и управлять не только Рос-

сией, но и душой народа по предназначениямъ петербургскихъ канцелярій,—не былъ исправленъ.

Побѣдоносцевъ опасался растущаго вліянія Толстого, образованія новой секты „толстовцевъ“, а главное,—возможной (по его мнѣнію) политической, революціонной роли Льва Николаевича.

Предположенія эти были нелѣпы и не оправдались.

Стоило только добросовѣстно вчитаться въ его произведенія, въ его ученіе о непротивленіи злу, въ его пламенные призывы къ вѣрѣ и самоочищенію, въ его непрестанное негодованіе противъ всякаго насилія, даже надъ животными, въ его осужденіе революціи, политическихъ ученій и увлеченій ими,—чтобы понять промахъ, сдѣланный высшими іерархами церкви, по его настоянію.

И 9 лѣтъ—былъ срокъ слишкомъ достаточный, чтобы одуматься и исправить его.

Но святѣйшій синодъ во-время не спохватился.

И рѣшившіе вокругъ догорающей, въ Астаповѣ, жизни Великаго Льва архипастыри Кириллъ и Парфеній, какъ и приставленный къ нему о. Варсанофій, ожидавшіе отъ умирающаго „перваго шага“.—пошли по ложному пути.

Толстой не зналъ про эти попытки возвращенія его въ лоно церкви, какъ и про телеграмму митрополита Антонія.

Да и въ чемъ ему было каяться?

Онъ исполнялъ неуклонно завѣты Того, Кто послалъ его въ міръ.

И онъ не въ словахъ—какъ книжники и фариисеи—а только въ дѣлахъ любви и милосердія, какъ училъ Христосъ, въ великой мысли, неустанно устремленной въ высь, къ небу, онъ видѣлъ суть исповѣданія истинной вѣры Христовой.

Не стало...

Толстого не стало....

Погасло солнцѣ, грѣвшее сердца всѣхъ народовъ и освѣщавшее на много вѣковъ впередъ грядущий, неизбѣжный путь людей.

У свѣжей могилы нельзя еще понять всей громадности утраты.

Богатырь духа, несшій на своихъ плечахъ скорбь всего

міра, мудрець, не оставившій ни одного уголка жизни, куда бы не проникъ его орлиный взглядъ, пророкъ, всю жизнь искавшій только правды,—замолкъ.

Ужасъ совершившагося давить. И вмѣстѣ съ великимъ образомъ старца, бѣжавшаго, какъ Будда, чтобы довершить въ уединеніи свой послѣдній великій подвигъ на землѣ, невольно встаютъ живыя лица его близкихъ, семьи, жены, переживающихъ въ эти минуты величайшія страданія челоуѣка:

Сознаніе въ причастности въ этой преждевременной смерти.

Они безсилны были предупредить его послѣднее роковое рѣшеніе, какъ безсилна плотина сдержать могучій порывъ весеннихъ водъ.

Но свѣточъ, который они такъ тщательно оберегали отъ всего, что могло бы повредить ему, свѣточъ міра, вѣранный судьбой ихъ попеченію,—все же выпалъ изъ ихъ рукъ.

Ни нѣжная любовь, ни дозоръ безсмѣнный, ни обычные соображенія слабаго челоуѣческаго ума,—не сберегли того, кто одинъ, однимъ порывомъ мысли могъ разрѣшать величайшія міровыя загадки...

Толстой ушелъ совѣмъ.

Давно всѣ готовились къ этой смерти, столь естественной въ его годы.

Но когда великая тайна совершилась,—люди все же отказывались ей вѣрить...

И влинули слова, не находя достойныхъ великой памяти выраженій.

Толстого не стало...

Неправда!—хочется крѣпнуть на весь міръ.—Царственная мысль перваго между людьми только вырвалась изъ душныхъ рамокъ немошняго тѣла.

Безсмертіе свое онъ съ боя взялъ...

Да, да... все это вѣрно,—твердитъ мозгъ.

Но Толстого-челоуѣка все же нѣтъ уже межъ нами...

И темно вдругъ стало... Тоскливо... Безнадежно.,

Черный вихрь смерти шесть лѣтъ несетъ по Россіи...

Шесть длинныхъ, страшныхъ лѣтъ...

Террористическіе акты... Война... Возстанія по всей Россіи...

Небывалая эпидемія самоубійствъ и убійствъ при грабежахъ. Казни—много казней... Холера... Чума.

И какой-то сплошной моръ избранныхъ ума и сердца, завершившійся Л. Н. Толстымъ.

Глѣбъ Успенскій, А. П. Чеховъ... Кн. С. П. Трубецкой, поэтъ Жемчужниковъ, Гр. П. А. Гейденъ, А. Г. Пергаментъ, А. П. Ленскій, А. И. Куинджи, А. И. Эртель. В. О. Коммиссаржевская, С. А. Муромцевъ, Д. А. Дриль, Д. Гриммъ.

И, наконецъ—Л. Н. Толстой.

Параличъ сердца сразилъ почти всѣхъ этихъ свѣтлыхъ ратоборцевъ.

Изнемогло оно отъ непосильныхъ для человѣческой совѣсти впечатлѣннй.

И остановилось именно у тѣхъ немногихъ, кто силою ума, таланта и отзывчивой душой могъ бы скрасить нашу жизнь...

Страшный черный вихрь не пощадилъ и дуба-великана...

Одиноко, какъ путеводная звѣзда, сіялъ онъ надъ землей, указывая дорогу къ красивой и справедливой жизни.

И пока во всѣхъ концахъ земли властно раздавался призывъ богатыря духа—все еще искрилась и тлѣла послѣдняя надежда...

Но Льва Толстого больше нѣтъ межъ нами... Вихрь смерти несется дальше...

Онъ добьетъ и свалитъ скоро и остальныхъ, кто уплѣлѣлъ еще отъ свѣтлыхъ полосокъ свѣта, брезжившаго... въ сороковые, шестидесятые, семидесятые года.

Когда складывались надежные борцы долга, крѣпкой вѣры, убѣжденій, сдѣлавшіе все то, чѣмъ еще живетъ Россія.

Черный, страшный вихрь несется...

Но славнѣе и больше жертвы, чѣмъ только-что захваченная имъ—ему ужъ больше не пайти! Льва Толстого нѣтъ.

Солнце закатилось.

Палъ первый богатырь—единственный во всей землѣ.

И нѣтъ новыхъ, „молодыхъ“, на смѣну павшимъ...

Толстой—„ушелъ“... Весь міръ осиротѣлъ.

Странички жизни.

Левъ Николаевичъ родился 28-го августа 1828 года, въ Крапивенскомъ уѣздѣ, Тульской губ., въ наслѣдственномъ имѣніи матери, Ясной Полянѣ. Еще Л. Н. не было двухъ лѣтъ, какъ умерла его мать. Воспитаніемъ осиротѣвшихъ дѣтей занялась дальняя родственница, Т. А. Ергольская. Въ 1837 году семья переѣхала въ Москву. Вскорѣ послѣ этого умеръ отецъ. Семья снова поселилась въ Ясной Полянѣ, гдѣ Л. Н. оставался до 1840 года, когда все семейство переселилось къ новой опекущи, къ сестрѣ отца, П. И. Юшковой, въ Казань.

Этотъ періодъ жизни съ большой точностью воспроизведенія впечатлѣній переданъ Л. Н. въ его „Дѣтствѣ“. Домъ Юшковыхъ былъ типично-свѣтскій для того времени; всѣ здѣсь высоко цѣнили удобство и виѣшній блескъ. Въ это пменно время разнообразійшія,—какъ опредѣляетъ самъ Л. Н.,—„умствованія“ о главнѣйшихъ вопросахъ нашего бытія—счастьѣ, смерти, Богѣ, любви, вѣчности—болѣзненно начали мучить его. Все это привело къ тому, что у Л. Н. создалась привычка къ постоянному моральному анализу.

Въ 1843 году, 15 лѣтъ, Л. Н. поступилъ въ число студентовъ казанскаго университета, гдѣ провелъ два года на восточномъ факультетѣ и два на юридическомъ. Но вскорѣ Л. Н. надобно было работать и онъ бросилъ университетъ и съ весны 1847 года поселился въ Ясной Полянѣ.

Что онъ дѣлалъ здѣсь — мы знаемъ изъ „Утра помѣщика“, поставивъ его вмѣсто „Нехлюдова“. Въ 1848 году Л. Н. держалъ экзаменъ въ Петербургѣ на кандидата правъ, затѣмъ ему это надобно было и онъ опять уѣхалъ въ деревню. Послѣдующіе 4 года Л. Н. провелъ въ увлеченіи музыкой, иногда отдавался наслѣдственной страсти—игрѣ, вплоть до отъѣзда его, по зову брата Николая, на Кавказъ, что Л. Н. сдѣлалъ въ 1851 году. Осенью этого года онъ поступилъ юнкеромъ въ артиллерійскую бригаду на Терекѣ. Жизнь этого періода, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ подробностей, изображена въ „Казакахъ“. Во внутренней жизни Оленина здѣсь сквозятъ автобіографическія черты. Настроеніе Оленина двойственнаго характера—потребность стряхнуть съ себя ложъ цивилизаціи и жить на лонѣ природы, съ одной стороны, а съ другой— же-

ланіе залѣчить раны самолюбія, вынесенныя въ погонѣ за успѣхомъ въ свѣтѣ, и тяжкое сознаніе проступковъ противъ совѣсти.

Здѣсь, въ станицѣ, Л. Н. обрѣлъ самого себя: онъ началъ писать.

И съ этого времени Л. Н. Толстой всталъ въ ряды великихъ писателей русской литературы.

Во время крымской войны, въ 1853 г., Л. Н. перевелся въ дунайскую армію и участвовалъ въ сраженіяхъ, а съ ноября 1854 по августъ 1855 г. — провелъ тяжелую годину Севастополя.

Въ это время написанъ его боевой рассказъ „Рубка лѣса“. Этотъ рассказъ, съ жадностью читаемый всей Россіей, былъ замѣченъ императоромъ Николаемъ I-мъ, онъ велѣлъ беречь даровитаго офицера. Послѣ дѣла 4-го августа 1855 г., когда генераль Редъ неправильно понялъ приказъ главнокомандующаго и неправильно атаковалъ Фетюхскія высоты, Л. Н. написалъ пѣсенку („какъ четвертаго числа, насъ не-легкая пѣсла гору забирать“, и т. д.), за которую былъ посланъ 27-го августа курьеромъ въ Петербургъ, гдѣ написалъ „Севастопольскіе рассказы“.

Шумно и весело потекла жизнь въ Петербургѣ и незамедлила оставить на душѣ горькій осадокъ: у Л. Н. начался сильный разладъ съ кружкомъ писателей вокругъ „Современника“.

Л. Н. не могъ признать литературу чѣмъ-то возвышеннымъ, что освобождаетъ человѣка отъ самоусовершенствованія и посвященія себя помощи ближнему. На этой почвѣ, въ результатѣ, „люди ему опротивѣли и самъ онъ себя опротивѣлъ“ — и въ началѣ 1857 г., безъ сожалѣнія, Л. Н. покинулъ Петербургъ и отправился за-границу (Германія, Франція, Англія, Швейцарія, Італія), гдѣ пробылъ около 1½ л. (1857—1861 г.). Въ общемъ, впечатлѣніе отъ за-границы было сквернымъ. Нигдѣ въ своихъ произведеніяхъ Л. Н. не превозносилъ Запада и не ставилъ намъ его въ примѣръ. Его вниманіе остановили лишь: народное образованіе и учрежденія, поднимающія культурный уровень рабочаго населенія Европы; онъ отдался всей душой дѣлу освобожденія крестьянъ и сталъ мировымъ посредникомъ, тратя много труда на организацію школъ въ Ясной Полянѣ и по всему своему уѣзду.

Съ 1862 г. Л. Н. началъ издавать педагогическій журналъ „Ясная Поляна“.

Осенью 1852 г. Л. Н., послѣ трехгодичной страсти къ С. А., женится на ней, найдя въ ней вѣрную и преданную подругу жизни.

Для Л. Н. наступилъ самый свѣтлый періодъ жизни—упоеніе личнымъ счастьемъ и начало небывалой славы, сначала всероссійской, а затѣмъ и мировой. Въ теченіе первыхъ 10—12 лѣтъ послѣ женитьбы, онъ создалъ „Войну и миръ“ и „Анну Каренину“.

Вся философія 1-го романа въ томъ, что успѣхъ и неуспѣхъ въ исторической жизни всецѣло зависятъ не отъ воли и талантовъ отдѣльныхъ людей, а отъ того, насколько они отражаютъ въ своей дѣятельности подкладку историческихъ событій.

Послѣ безконечно радостнаго упоенія блаженствомъ бытія въ „Войнѣ и мирѣ“, Л. Н. погрузился въ мрачное настроеніе. Онъ сталъ говорить себѣ о богатствѣ: „ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 дес. въ Самарской губ.—300 головъ лошадей, а потомъ?“; и въ сферѣ литературы: „ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, всѣхъ писателей въ мірѣ—ну, и что же?“

Чтобы найти отвѣты на мучившія его сомнѣнія и вопросы, Л. Н. велъ бесѣды со священниками и монахами, ходилъ въ Оптину пустынь, читалъ богословскіе трактаты; изучалъ древне-греческій и еврейскій языки, чтобы въ подлинникѣ читать первоисточники христіанства.

Онъ присматривался къ раскольникамъ, толковалъ со штурдистами, молоканами. Отсюда пошло начало новой полосы въ жизни Л. Н.—отрицаніе всѣхъ установившихся основъ государственной, общественной и религіозной жизни, полосы, раздѣлившей мнѣнія почитателей его таланта на два непримиримыхъ лагеря—признающихъ его только какъ художника, и послѣдователей его философіи.

Уже 70-лѣтнимъ старцемъ Л. Н. далъ міру новый романъ — „Воскресеніе“, поразившимъ опять міръ свѣжестью и яркостью красокъ, какъ и глубиной и значительностью мысли.

Самымъ яркимъ изъ послѣднихъ по времени фактовъ біографіи Л. Н. является его отлученіе отъ церкви—20 февраля 1901 г.

Произведения Л. Н. собраны въ 15 томахъ. Кромѣ того, съ 1883 г. за-границей напечатанъ рядъ произведеній, которыя не могли появиться въ Россіи.

Безпримѣрная, единственная слава Л. Н. наглядно выразилась въ огромномъ успѣхѣ его произведеній, переведенныхъ на всѣ языки міра, издаваемыхъ въ безчисленномъ количествѣ.

Слава земли.

Кончина и погребеніе Льва Николаевича заслонили своей скорбью и величіемъ всѣ текуція злобы.

Вся думающая часть земли сошлась около останковъ потухшаго свѣточа, опущенныхъ въ родную землю Ясной Поляны.

Россія, даже въ лицѣ наиболѣе отсталой ея части—крестьянства, явила міру новое доказательство своего духовнаго величія и силы, сумѣвъ, несмотря на козни немногихъ отщепенцовъ и противоборство князей церкви, единодушно покинуть главою около своего избраннаго Богомъ сына.

И въ то время, какъ святѣйшій синодъ, соблюдая формальное „достоинство церкви“, оставилъ неуклоннымъ свое „отлученіе“ графа Л. Н. Толстого отъ православія и предписалъ всѣмъ архіереямъ и благочиннымъ не поминать усопшаго, премьеръ П. А. Столыпинъ внушилъ губернаторамъ, наоборотъ, не чинить препятствій къ выраженію скорби о почившемъ и первая о немъ панихида по почину предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Акимова, въ Петербургѣ, состоялась въ Маріинскомъ дворцѣ.

А Государь, на всеподданнѣйшемъ докладѣ о кончинѣ Л. Н. Толстого, между прочимъ, начерталъ:

„Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя... Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судьей“.

Трудно найти болѣе яркаго выраженія разлада между составными нашего государственнаго механизма, между окаменѣлой формой закона—догмы и жизнью!..

И смерть Толстого явилась символомъ его послѣдняго крупнаго произведенія—Воскресенія, осуществивъ то, что великому яснополянскому отшельнику не довелось дожидаться при жизни.

Земля пропѣла ему свою славу.

И люди самыхъ разныхъ общественныхъ направленій, положеній, народностей и состояній—все сошлись у гроба великаго учителя.

И не только умомъ, но и всею сердцемъ мы поняли:

Онъ между нами жилъ,
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ единую семью соединятся.

Я помню похороны: Достоевскаго, Тургенева, Чехова, Трубецкого, Баумана, Муромцева.

Россія не умѣетъ еще чтить по настоящему своихъ избранныхъ сыновъ при жизни, никакъ не можетъ наладить по культурному и по-правдѣ свою личную и государственную жизнь.

Но мы научились хоронить.

Мы—народъ-мистикъ, народъ-богоскатель.

И въ смерти избранныхъ ищемъ исходъ для выраженія своихъ чувствъ, которыя боимся и не умѣемъ выражать и превращать изъ хорошихъ словъ въ дѣла и поступки.

„Смертію смерть попра!“—вспомнился аккордъ изъ радостнаго, величайшаго, „Краснаго“ праздника на Руси—

Праздниковъ праздника.
Торжества изъ торжествъ.
Праздника — Воскресенія.

Черезъ смерть и кровь мучениковъ, черезъ подвиги страстотерпцевъ падѣтся нашъ народъ-богоносецъ обрѣсти лучшую, свѣтлую жизнь.

И нигдѣ въ мірѣ такъ радостно и величаво не умираютъ и не примѣютъ смерть, какъ искупленіе и освобожденіе отъ бранныхъ оковъ земли, какъ у насъ нашъ крестьянинъ.

Такъ умеръ и кристаллъ земли, ея гордость и глава, ея первый крестьянинъ и христіанинъ—Левъ Толстой, не покаятый и осужденный книжниками церкви.

Но у праховъ свѣточей Россіи рождается новая жизнь.

Словно духъ избранныхъ, незримо рѣя между живыми, проникаетъ въ души массъ.

И творитъ новыя „святыя настроенія“, когда между Землей и Небомъ вырастаютъ невидимыя нити, зовущія на подвигъ и требующія проявленій.

Во „всякихъ русскихъ похоронахъ, когда прахи свѣтлыхъ ратниковъ закрывала отъ насъ земля, чтобы дать ростки новой жизни, родились новыя силы, идущія на смѣну уставшимъ:

Гвардія будущаго!

Эта сила складывалась въ живой цѣпи молодежи, охранявшей дорогіе останки.

И около гробовъ почившихъ создавались новыя чувства, имѣющія, рано или поздно, обновить родину-мать.

И теперь останки Великаго Льва выѣхала охранять отъ возможныхъ выходовъ „темныхъ-черныхъ“, которыя могли бы оскорбить свѣтлую память, отъ матери русскихъ городовъ, Москвы, около которой выросла и окрѣпла русская держава—ея цвѣтъ, учащаяся молодежь—

Гвардія будущаго.

Годъ назадъ, когда почившій Левъ, ненадолго заглянулъ въ Москву— огромная толпа, собравшаяся проводить его на Курскій вокзалъ, по одному приказу сердца, чинно, безъ всякихъ нарядовъ полиціи, послушная этой гвардіи будущаго, осыпала своего любимца привѣтами души.

И растроганный старикъ плакалъ отъ этого нежданнаго, всенароднаго привѣта: рабочихъ, крестьянъ, стариковъ, молодежи, нищихъ...

Теперь тысячи сошлись снова на этотъ же вокзалъ, въ ожиданіи поѣздовъ, которые должны были отвести, отдать „последній долгъ“ Писателю-Пророку—

Гвардія будущаго.

Каждое изъ московскихъ учебныхъ заведеній послало въ „Забѣку“ свои эшелоны, на охрану праха, въ самомъ низкомъ, четвертомъ классѣ—какъ возятъ солдатъ на войну, повобранцевъ и переселенцевъ.

И думы всей Москвы, всей Россіи, всего міра переселились вмѣстѣ съ гвардіей будущаго въ Ясную Поляну, на смотръ свѣтлой рати, чтобы у бранныхъ останковъ поклонился безсмертному духу вождя, довершивъ завѣщанное имъ дѣло:

Свести царство божіе съ неба на землю.

И не щадя силъ, сражаться единственно достойнымъ великой памяти оружіемъ—могучимъ, искреннимъ словомъ, пока добьются для всѣхъ честной, справедливой и красивой жизни, на основѣ всечеловѣческаго братства и любви.

Титантъ-геній въ землѣ.

Но смена свѣта, посѣянные имъ, взойдутъ въ сердцахъ чуткой къ добру молодежи.

И гвардія будущаго, какъ нѣкогда старая гвардія Наполеона, привезла изъ Ясной Поляны новую рѣшимость:

Побѣдить или умереть!

Три лица.

У свѣжей могилы генія нельзя еще осмыслить всю громадность утраты.

Чтобы увидеть вершину высокой горы—отъ нея отходить вдаль.

Такъ и огромная, многогранная личность Толстого требуетъ дали вѣковъ, чтобы постичь ея исполинскій ростъ.

И о царѣ міровой мысли, какъ нѣкогда о Шекспирѣ, на всѣхъ языкахъ создается цѣлая литература, которая исподволь разберетъ значеніе для всего человѣчества Льва Великаго, котораго мы схоронили въ Ясной Полянѣ.

Пока же, намъ, современникамъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его обаянія, приходится запечатлѣвать каждую черточку его сложной натуры—ставить вѣхи для его лучшаго пониманія грядущими поколѣніями.

Различныя отношенія Л. Толстого: къ деревнѣ, городу и интеллигенціи ярко выявляютъ три лица, три стороны этого чисто-русскаго дарованія, собравшаго въ себѣ все яркое, сильное, красочное—чѣмъ жива и сильна Россія.

Толстой и деревня.

На вершинѣ величественнаго памятника, воздвигнутаго художникомъ-Толстымъ, послѣ „Дѣтства и Отрочества“, „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“, геніальный зодчій задалъ себѣ вопросъ: а что же дальше?

И съ безпощадной правдивостью, составляющей основную черту его дарованія, отвѣтилъ: дальше—ничего.

Онъ достаточно жилъ, наслаждался, купался въ лучахъ славы.

Его не могла утѣшить перспектива „повторенія пройденнаго“ и стрижка купоновъ съ ренты генія. Толстой испы-

талъ ужасъ никчемности бытія, сознанія пустоты и позорности прежней жизни. Но имѣлъ силу не остановиться на полпути, не застрѣлится, а итти дальше и продумать самого себя:

Его „Исповѣдь“—это драгоценнѣйшій человѣческій документъ итоговъ оцѣнки самого себя и односторонности всей нашей цивилизации, приведшей къ сознанію, что весь памятникъ „построенъ безъ фундамента на пескѣ“, а его собственная жизнь—безъ корней.

Какъ сказочный богатырь онъ, безъ колебанія, бросился разрушать свой памятникъ и сталъ, какъ Архимедъ, думать падъ точкой опоры, чтобы повернуть міръ, дать своей жизни и работѣ новый, вѣчный смыслъ, новыя радости и оправданіе, не довольствуясь только „бессмертными образами“ художественнаго творчества.

„На правду, какъ и на солнце, во всѣ глаза не глянешь!“—говорили до него.

И онъ не повѣрилъ этому. И съ обычнымъ дарзаніемъ и рѣшимостью, захотѣлъ осмыслить и постичь всю правду и найти своего Бога.

Деревня, наивная вѣра крестьянина, дающая ему силу спокойно и радостно встрѣчать смерть, физическій трудъ, помогающій вогнать внутрь организма оздоровляющую, жизне-творную силу солнечныхъ лучей, связь съ великимъ и единственнымъ надежнымъ учителемъ; природой,—все это, пройдя черезъ мозгъ генія, дало въ немъ новую вѣру.

Онъ пересмотрѣлъ Евангеліе.

Могучій душевный маятникъ Толстого качнулся прочь, въ противоположную сторону отъ всего, чѣмъ онъ жилъ прежде.

Славу, поклоненіе, прежнія культурныя наслажденія, науку, приведшую человѣчество въ тупикъ невѣрія, весь умственный трудъ людей, изсушившій ихъ сердца,—все онъ откинулъ, какъ жалкую мишуру.

— Геніальный невѣжда!—сокрушался о немъ въ это время другой страстный апостолъ деревни, А. Н. Энгельгардъ, блиставшій тогда „Письмами изъ деревни“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Вл. Соловьевъ, Аксаковъ, Тургеневъ и тысячи друзей и почитателей всячески противились „сжиганію“ имъ своихъ кораблей, ужасаясь совершающемуся въ немъ душевному перелому.

Но могучій Левъ твердо пошелъ своею новою дорогою и сталъ, съ упорствомъ и силой Циклопа, класть огромные камни подъ фундаментъ новаго, величественнаго зданія „Царства Божія“, сооружаемаго имъ, вмѣсто Неба—на Землѣ.

Художественныя угады новаго Толстого, зрѣвшіе въ Пьерѣ Безуховѣ и Левинѣ, въ яркой любви къ мужику, солдату, животнымъ, дубу, яселькѣ и ко всей природѣ вообще—выросли въ сознательнаго философа, творца новаго пантеизма.

Толстой и деревня, Толстой и мужикъ не только слились, но помимо простой, рабочей, крестьянской жизни на груди матери-земли, выросшій передъ міромъ „апостолъ опрощенія“ сталъ отвергать всякій смыслъ и значеніе.

„Все для народа и все черезъ народъ“—онъ дополнилъ: и „среди народа“, живя одинаково съ нѣмъ трудовой жизнью.

Къ этому онъ сталъ стремиться, это проповѣдывалъ. И ради этого ушелъ изъ дому—въ могилу.

Толстой и городъ.

Городъ, закрывающій своими домами и дымомъ небо, а холоднымъ камнемъ мостовыхъ и панелей—землю и ласкающую зелень травы, городъ, основанный на эксплуатаціи миллионъ пемногимъ, городъ, скованный законами человѣческими, замѣнившими вѣчные законы „Пославшаго насъ въ міръ“,—сталъ ему ненавистенъ.

И Толстой всею силою своего „медвѣжьяго“, по выраженію Тургенева, дарованія обрушился на него.

Любовный и ласковый среди ребятъ и странниковъ, богомольцевъ и бродягъ, пахарей, птицъ и звѣрей, Толстой для города имѣлъ другое лицо—скорбное и гнѣвное.

Порой, какъ Иона, онъ изобличалъ современную Ниневію... Порой проклиналъ Содомъ и Гоморру новыхъ столицъ, гдѣ по мнѣнію Толстого, грубый и тонкій развратъ, уродованіе вкусовъ, понятій, привычекъ идетъ, все нарастая, съ ранняго дѣтства: отъ лживыхъ куколъ-игрушекъ и нарумяненныхъ рисунковъ бомбоньерокъ, къ дразнящимъ звѣря женскимъ платьямъ, къ уродливой семьѣ, нелѣпому времяпровожденію, фальшивой музыкѣ оперъ, до жестокой общественной морали и строя, подмѣны ученія Христа—мертвыми догмами и формами.

Толстой сталъ звать человѣчество „домой“, назадъ, на помощь въ работѣ изъ города въ деревню, гдѣ—„Власть Тьмы“, и гибнетъ изъ-за „Хозяина“—„Работникъ“.

Въ отвѣтъ онъ получалъ снисходительныя улыбки своимъ „чуждачествамъ“—однихъ, презрѣніе и гнѣвные укоры—другихъ и „мѣры пресѣченія“—для повѣрившихъ ему.

Но здоровая идея росла въширь и въглубь.

И прежде, чѣмъ ее „хиротонизировала“ секта, именуемая русской интеллигенціей, прежде чѣмъ ее взяла подъ покровительство наука, прежде чѣмъ „дома“ ее стали отличать отъ бреда чудака, „кающагося дворянина“ или сумасшедшаго и она успѣла воплотиться у насъ лишь въ единичныя интеллигентныя поселки—въ Англіи, Америкѣ и Швеціи она выросла въ огромное движеніе новаго баптизма и сектантства, послѣдователи котораго имѣютъ города-сады и города-деревни, привлекающіе къ себѣ тысячи людей и десятки миллионъ средствъ.

Толстой и интеллигенція.

Л. Н. Толстому никогда особенно не везло дома.

Чиновно-ученая интеллигенція на зарѣ его жизни, въ казанскомъ университетѣ, ставила ему „двойки“ за бездарность и незнаніе русскаго языка.

Военная интеллигенція не признала его хорошимъ и надежнымъ офицеромъ. И, можетъ быть, лишь благодаря личной защитѣ Императора Николая I-го, угадавшаго молодой талантъ, онъ не погибъ, какъ обыкновенное пушечное мясо „въ тяжелую годину Севастополя“.

Позже—судейская интеллигенція ставила ему тоже „двойки“, за отказъ судить и осуждать несчастныхъ, попавшихъ подъ мечъ слѣпой богини правосудія, въ званіи присяжнаго засѣдателя.

Провалился онъ и какъ защитникъ въ судѣ, не сумѣвъ вырвать изъ когтей смерти-казни перваго и послѣдняго подзащитнаго солдатики.

Ученые цензора тоже ставили ему „двойки“, калѣча или сжигая его работы.

Галантныя „голубыя чины“, увѣрявшіе, что его „слава слишкомъ велика для узкихъ дверей русской тюрьмы“, не

выпускали его изъ „поля зрѣнія“, хватали его учениковъ и послѣдователей, ставя всѣмъ дурныя отмѣтки за поведеніе.

Іерархи церкви и монахи-чернецы, давшіе обѣтъ смиренія и послушанія—отлучили его отъ православія, сиюсь повергнуть его душу „на вѣчныя муки ада“.

А сколько змѣиныхъ укуловъ, клокочущей ярости, снисходительныхъ вразумленій и поученій пришлось ему воспринять отъ всероссійской интеллигенціи!

Мудрено ли, что и онъ не щадилъ своихъ судей.

Что онъ свырнулъ имъ написанную сатиру—„Плоды Просвѣщенія“?

Что онъ осудилъ беспочвенность зарвавшейся русской революціи?

Что, умудренный жизнью, онъ смотрѣлъ своими, проникающими вглубь души и вѣковъ, очами на насъ съ вами, читатель,—съ тихой грустью прощенія къ безнадежно-непонятливымъ ученикамъ? Что—сгорѣло и остановилось это чудное сердце...

Эти три разныхъ лица, какими „великій дѣдъ“ и „умственный баринъ“ смотрѣлъ на—деревню, городъ и интеллигенцію—три кита міропониманія Толстого-человѣка.

Богъ, правда, красота и любовь—въ деревнѣ.

Грубая сила, власть, ложь, развратъ, деньги разрослись и окрѣпли въ городѣ и благодаря ему...

Интеллигенція, какова она сегодня, воспитанная городомъ, не только „не свѣтитъ народу“, а заслоняетъ собой отъ деревни правду.

И такое разное отношеніе Толстого: къ деревнѣ, городу и интеллигенціи, не сгоряча сорвавшійся приговоръ „опрошеннаго“ апостола, а вылилось изъ общихъ глубокихъ переживаній Толстого-художника, философа и человѣка.

Ожившія грёзы.

(Зеленая палочка, Муравейные братья и Форафонова гора).

...Отзвучаль, какъ вздохъ всего міра, послѣдши, величаво-скорбный аккордъ:

В-ѣ-ѣ-ѣ-чая па-а-а-мать!

И—замерь-растаяль, изъѣвъ изъ времени безсмертнаго...

Ясно-полянскіе мужики, вырывшіе послѣднее убѣжище своему „мудрому дѣду“, спокойно-торопливо насыпали малепькій холмикъ надъ восковымъ старичкомъ, смиренно-покорно лежащимъ въ дубовой „домовинѣ“.

И не знали они, что въ этомъ курганѣ, въ этой „Форафоновой горѣ“, затерявшейся среди величаво-спокойнаго лѣса, была уже зарыта разъ свѣтлая радость—надежда всего міра: волшебная „зеленая палочка“... свѣтлой феи Грезы.

И „дѣдушка“, черезъ 78 лѣтъ опять съ нею, съ своей дѣтской мечтой, сулившей счастье всѣмъ людямъ.

Плачутъ тысячи. Окаменѣли въ нѣмомъ горѣ близкіе...

Солнце свѣтитъ, но не грѣетъ...

Какъ и жесткая, однобокая „правда“ покинутаго Толстымъ міра, разорвавшая его великое сердце...

— „Форафонова гора“—разсказываль самъ Левъ Николаевичъ,—это одно изъ самыхъ далекихъ, милыхъ и важныхъ моихъ воспоминаній...

...Старшій братъ, Николенька, былъ на 6 лѣтъ старше меня. Ему было, стало-быть, 10—11, когда мнѣ было 4 или 5, именно когда онъ водилъ насъ на „Форафонову гору“:

Онъ былъ удивительный мальчикъ, а потомъ—и удивительный человекъ... Такъ вотъ, онъ-то, когда намъ съ братьями было: мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7 лѣтъ, объявилъ намъ, что у него стъ „тайна“, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзни, ни какихъ-либо непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, всѣ сдѣлаются муравейными братьями (вѣроятно, это были „Моравскіе братья“, о которыхъ онъ зналъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были „муравейные“ братья). И я помню, что слово „муравейные“ особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ.

Мы даже устроили игру въ „муравейные братья“, которая состояла въ томъ, что садились подъ стульями, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ,

прижимаясь другъ къ другу. Я, помню, испытывать особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

„Муравейные братья“ были открыты намъ, но главная тайна, о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились, и не сердились, а были бы постоянно счастливы,—эта „тайна“ была, какъ онъ намъ говорилъ, написана на „зеленой палочкѣ“ и палочка эта зарыта у дороги, на краю стараго заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я—такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трущ—просилъ бы, въ память Николенки, закопать меня...

Кромѣ этой палочки, была еще какая-то Форафонова гора, на которую, онъ говорилъ, можетъ ввести насъ, если только мы исполнимъ всѣ положенныя для того условія...

Тотъ, кто исполнить эти условія и еще другія, болѣе трудныя, которыя онъ откроетъ послѣ, того одно желаніе—каково бы оно ни было—будетъ исполнено.

Мы должны были сказать наши „желанія“.

Сережа пожелалъ умѣть лѣпить лошадей и куръ изъ воска; Митепка пожелалъ умѣть рисовать всякія вещи, какъ живописецъ, въ большемъ видѣ. Я же ничего не могъ придумать, кромѣ того, чтобы умѣть рисовать въ маломъ видѣ. Все это—какъ это бываетъ у дѣтей—очень скоро забылось и никто не вошелъ на „Форафонову гору“, но помню ту таинственную важность, съ которой Николенка посвящалъ насъ въ эти тайны, и наше уваженіе и трепетъ передъ тѣми удивительными вещами, которыя намъ открывались. Въ особенности же оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе „муравейное братство“ и таинственная „зеленая палочка“, связывающаяся съ нимъ и долженствующая осчастливить всѣхъ людей...

Идеаль „муравейныхъ братьевъ“, любовно лнувшихъ другъ къ другу, только не подъ друмя креслами, завѣшанными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра,—остался для меня тотъ-же.

И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та „зеленая палочка“, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дать имъ то, что она обѣщаетъ“...

И онъ нашелъ этотъ ключъ къ человѣческому счастью,—волшебную „зеленую палочку“, обѣщанную свѣтлою грезой далекаго, лучистаго дѣтства.

И повѣдалъ ея тайну міру.

Но людямъ все еще некогда было выслушать и постичь ее до конца.

Они не пошли за „Работникомъ“ Божьимъ, звавшимъ всѣхъ на „Форафонову гору“ жить въ мирѣ и любви, какъ „муравейные братья“...

И ушелъ онъ отъ насъ къ „Хозяину“—просить себѣ на смѣну новаго пророка.

А люди плакали надъ „скорлупой“ Великаго Духа, не задумываясь о томъ, что раскрытая тайна „зеленой палочки“ должна осушить всѣ слезы: стоять лишь хорошенько захотѣть сердцемъ—постичь ее.

И бѣлыя, скорбныя березы строго-укоризненно шептались, осуждая слѣпоту собравшихся около нихъ людей.

Воскресеніе слова.

На девятый день, какъ ушелъ отъ насъ Левъ Толстой, на могилу его пришли странники—изъ далека они: съ Дона тихаго.

Помолились-покрестились. И устались въ комья свѣжіе земли-матери, что замерзли уже на груди скованной Льва Великаго, отшельника...

Ужъ зашло, скрылось за лѣсомъ, солнце хмурое, осеннее. И потухли въ мутномъ заревѣ всѣ лучи его послѣдніе.

Ужъ ушли отъ тихой пристани, отъ оградки ея новенькой, всѣ студенты и паломники.

Холодкомъ пахнуло-дунуло. И замолкли синьки-цвырочки, птички зимнія, безпокойныя.

А старые стоять, всѣ угрюмые—думу думаютъ, въ землю уставившись.

И на усахъ сѣдыхъ стынеть жемчужинка-слеза, что сама, никѣмъ не прошена, такъ изъ глазъ у всѣхъ и катится.

— Наши поны не посмѣли бы свѣтлаго дѣдушку не отпѣть, молитвы Господней лишить!—промолвилъ, наконецъ, старый казакъ, съ Тарасомъ Бульбою сродственный.

И покачалъ серебряной, непокрытой головой съ укоризною.

— Коли грѣшникомъ считаютъ владыки наши почившаго, такъ за грѣшника-бы и молиться имъ!—проворчалъ другой.

— Зарылися... Какъ свинья отъ корма лишняго. Левъ Толстой, вишь, имъ не праведникъ! Судьи строгіе, безгрѣшные, сами-то какое добро кому сдѣлали?..

И опять молчатъ-уставились на землю могилки свѣженькой...

Темно совсѣмъ сдѣлалось.

Замигали-заискрились звѣздочки.

Тихо въ роуцѣ стало. Зажгли странники свѣчи восковые, панихидныя, отъ Великаго четверга припасенныя...

И рыдаютъ заѣзжіе люди, молятся.

А мать-земля, словно дышетъ-колышется, подѣ ними вздрагиваетъ, ихъ слезы глотаючи.

И стонуть-покачиваются, укоризненно молодые дубки, самими Львомъ посаженные.

Раскрылъ самый старый казакъ отъ Іоанна „Благовѣствованіе“ и читать началъ евангеліе:

„Въ началѣ было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Богъ...

Въ немъ была жизнь. И жизнь была свѣтъ человековъ.

И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. И тьма не объяла его.

Былъ человекъ, посланный отъ Бога!..“

Онъ не былъ свѣтъ. Но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ...“

— Передъ самой кончиной, вишь, о людяхъ вспоминалъ-печалился упокойничекъ, отдыхать отсылалъ, правдѣ божьей наставлялъ!..—вдругъ оборвалъ старикъ чтеніе божественное...

— Какъ евангелистъ Іоаннъ,—подхватилъ другой.

А третій всталъ, перекрестился-вдохнулъ. И вдругъ жалобно-тоскливо такъ затанулъ, рыдаючи:

„Со свя-я-я-тыми у-о-к-о-ой!

„Душу раба твое-е-его“,—подхватили старикъ-товарищи.

А къ нимъ пристали: неизвѣстные, лежавшіе тутъ-же поодаль, чей-то свѣжій голосъ дѣвичій, мальченокъ „къ дѣдушкѣ“ сбѣжавшій изъ дома, шустренкій, богобоязненная странница, черничка бездомовая, да нищіе бродячіе...

И понеслось пѣніе надгробное, рыдальное, попами православнымъ во-время не пропѣтое.

Ожилъ лѣсъ. Переливами тоскливыми застонали оголенные деревья парка барскаго и отклики безликіе эха-перезсказчика.

Замигали-затеплились во тьмѣ свѣчки скорбныя, панихидныя, длиннымъ пламенемъ, будто цѣлующи Незримаго...

Понесли онѣ ко Всевышнему молитвы свои огненныя, воска чистаго, нерукотворнаго, божьими пчелками съ цвѣтовъ собраннаго...

И засвѣтилась-зажглась могила Праведника.

Шуршитъ по лѣсу осенній листъ. Шаги чьи-то невидимые во всѣхъ концахъ слышатся.

То поетъ земля. Воскресенью свята духа радуется.

И гордится она останками бренными, что отдали міру отъ цѣпей своихъ посланца Божьяго, свѣтлаго воина для дѣла вѣчнаго, безсмертнаго...

Словно Свѣтлый праздникъ ужъ наступилъ!

Красный праздникъ—Воскресенія.

И люди на него отовсюду сходятся-стекаются.

Ярче пламени воска яраго въ сердцахъ людскихъ горять-разгораются послѣдніе слова любимца Христова—Іоанна, что на смертномъ одрѣ не забылъ завѣта Учителя:

Братья, любите другъ друга!

И не жутко у могилки свѣжепьюкой.

А какъ въ великую почъ Воскресенія всѣмъ тепло, свѣтло и радостно.

И встаетъ-краситъ людей главный Божій Завѣтъ.

А великая тайна растеть изъ земли-матери, освободившей Великій Духъ для подвига новаго:

Воскресенія Слова.

По всей землѣ, поднимается.

И незримо свѣтлые на небѣ Воскресенію Слова славу поютъ.

Надъ могилою свѣжею молятся...

На судъ Божьемъ.

(Воскресшая легенда).

...И предстали передъ Престоломъ Всевышняго на Судъ два старца: одинъ—безвѣстный, другой—Левъ Толстой.

Стоять-высяться вѣсы дѣлъ человѣческихъ.

А поодаль—угоднички Божія и сонмы свѣтлаго воинства: архистратиги, ангелы и архангелы.

„Первые да будутъ послѣдними“,—прозвучалъ Завѣтъ.

И повелѣлъ Господь архангелу Гавріилу принести скрижали дѣлъ добрыхъ и злыхъ „безвѣстнаго старца“.

А Толстому—въ сторонку отойти.

И начался Судъ...

У „старца безвѣстнаго—мало дѣлъ добрыхъ на скрижаляхъ; еще меньше того злыхъ.

А усердія къ постиженію воли Божьей—больше.

Да темень былъ: не понималъ, что и какъ дѣлать надо.

И рѣшилъ Господь:

— Не повиновенъ старецъ въ темнотѣ своей. Всего одинъ талантъ ему при рожденіи былъ данъ: послушаніе. Исполнилъ онъ его честно,—возвратилъ Мнѣ его праведной, по разуму, его жизнью. Быть ему въ сонмѣ Моемъ.

Возликовалъ душою „безвѣстный старецъ“,—нищъ пать. Благодарить-умиляется.

А Господь продолжаетъ:

— Радуйся вѣрный рабъ Мой,—ты заслужилъ царство небесное, ибо нищъ былъ разумомъ и кротокъ былъ духомъ.

И сталъ носить дѣла добрыя Толстого графа Гавріилъ архангелъ.

Носить-носить скрижали свѣтлыя охалками, а все ихъ много на землѣ остается.

Сталъ ему помогать Михаилъ архистатигъ. Вдвоемъ на вѣсы Правосудія горы ихъ накладываютъ.

Смотрить на ихъ работу Владыко Всевышній.

И радостно сіяетъ Его свѣтлый ликъ.

Мало вовсе злыхъ дѣлъ за Толстымъ графомъ.

А и тѣ, что есть,—давнымъ-давно добромъ покрыты и открытымъ сердцемъ, къ Небу устремленнымъ, разсѣяны-распылены.

И запѣли ликующій гимнъ сонмы ангеловъ.

Еще свѣтъ и радости въ раю стало.

А небесная пѣсня по всему свѣту несется и проникаетъ въ послѣднія моря: да хвалить Господа всякая тварь и возвеселится всякое дыханіе:

— Слава въ вышнихъ Богу... На землѣ миръ. Въ чело-вѣцехъ благоволеніе!

Но сумраченъ стоитъ одинъ Толстой и кается онъ „Пославшему его въ міръ“:

— Ты, Господи, осыпалъ меня щедротами своими безъ границы. И чувствую я сердцемъ, сознаю разумомъ,—не осилилъ я ношу благодати Твоей. Не смогъ втолковать людямъ волю Твою. И до конца не исполнилъ...

— Смиреніе твое—паче гордости!—рекъ Господь.—А потому и тяжела была тебѣ ноша Моя. Тысячу-тысячъ талантовъ далъ Я тебѣ. И ты не все возвратилъ ихъ Мнѣ дѣлами своими...

И смолкли-притаились сонмища ангеловъ, — слушаютъ-благоговѣютъ.

А слова Божіи несутся по всему міру страшнѣе грома.

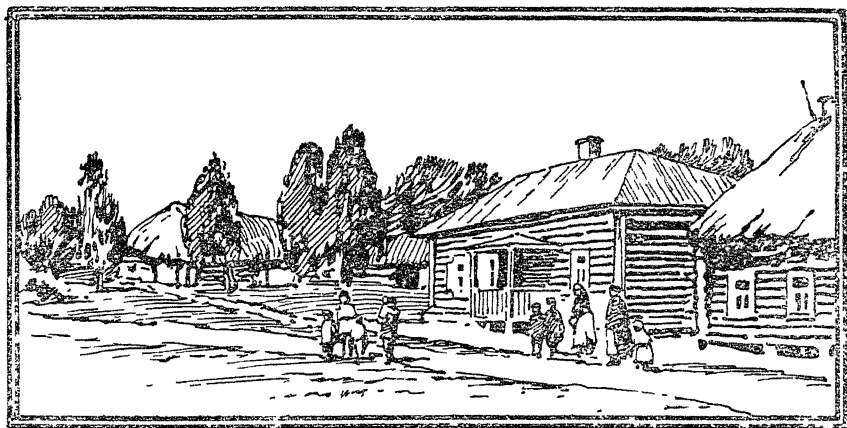
— Вотъ тебѣ сказъ Мой,—продолжаетъ Господь:—не уходи отъ земли, пока не исполнишь все до конца. А какъ сдѣлаешь все, по великой совѣсти и талантамъ твоимъ, приходи опять—будешь сыномъ Моимъ возлюбленнымъ!

И безропотно воспріялъ новый крестъ свой Толстой графъ и вернулся снова на землю—учить людей правдѣ Божьей до конца и свести царство Божье съ Неба на Землю, какъ хотѣлъ и общалъ.

И будетъ жить онъ съ нами, незримо пока рѣшенное черезъ пророковъ и Сына Божьяго не исполнится до конца.

Л. Н. Толстой.

Деревня Ясная Поляна.

Б. Н. Звокаревъ.

„Вѣнки“.

Святая могила.

Его нѣтъ...

Русскаго Златоуста, Льва Николаевича.

Неустаннаго учителя любви, пламеннаго пророка о царствѣ Божіемъ на землѣ. Онъ ушелъ въ новую жизнь, въ которую горячо вѣрилъ, которой ждалъ радостно и спокойно.

Вотъ его слова: ...,ужасна жизнь человѣка, который воображаетъ себѣ, что только свѣта, что въ окошкѣ, что только и жизни, что та частица ея, которую мы знаемъ здѣсь“.

И звучать эти слова теперь еще громче, еще сильнѣй, когда закрылись его праведныя уста, когда сырая земля приняла его въ свои нѣдра.

Великія могилы говорить! Ихъ никогда не задавить бремя времени... И та могила, на Форафоновой горѣ, въ Аеснипой рощѣ, куда опустили тѣло нашего Златоуста, будетъ вѣчно звать человѣчество къ свѣту, правдѣ, любви...

Левъ Николаевичъ не умеръ, ибо не можетъ умереть „слово“. Левъ Николаевичъ не могъ умереть, ибо онъ зналъ, что смерть не есть тлѣніе и прахъ, а только ступень къ новой жизни, къ вѣчной жизни. И мы, вѣрные его завѣту, должны принять его смерть не какъ уничтоженіе и безмолвіе, а какъ Свѣтлое Воскресеніе. Не слезы и скорбь о разлукѣ съ Учителемъ, съ нимъ, приказалъ онъ намъ, а свѣтлую радость вѣры въ приближеніе Царства Божія на землѣ, черезъ проповѣдь любви, черезъ дѣло любви.

Одинъ законъ, одну религію проповѣдывалъ онъ—это религію любви. Она понятна всѣмъ, она доступна всѣмъ. И нѣтъ никакихъ препятствій для человѣчества всего земнаго міра принять эту религію. Ни церковныя убѣжденія людей самыхъ различныхъ вѣръ, ни ихъ національныя отличія не могутъ остановить этой религіи любви, не могутъ осудить ее, не могутъ запретить ее. Это—грядущая религія человѣчества,

а съ ней и Царство Божіе на землѣ, о которомъ такъ мятется, такъ тоскуетъ измученный духъ ищущаго человѣка.

Какъ велико и просто это ученіе!

Какъ ясна эта вѣра!

И только отгородившись нарочитой глухотой, только зажавши сердце и уши, можно не слышать и не понимать этого перваго закона, необходимаго для счастья людей...

Левъ Николаевичъ больше не встанетъ передъ нашими глазами всей своей мощной фигурой живого, облеченнаго въ кровь и плоть человѣка. Мы не увидимъ его пронизательныхъ глазъ, устремленныхъ въ истину, къ которой шелъ онъ всегда, и которую страстно искалъ вездѣ, но образъ его духовный поблѣднѣетъ развѣ отъ этого?

Нѣтъ! Никогда!

Сила слова нашего Златоуста озаритъ его ослѣпительнымъ свѣтомъ, осѣнитъ его вѣчностью и пробудитъ въ душахъ нашихъ новыя струны, которыя зазвучатъ счастливой радостью вѣры и пониманія простыхъ и великихъ словъ. И тогда разцвѣтетъ счастье на землѣ. Тогда люди будутъ братья и не будетъ зла на землѣ.

Около Великаго.

Жизнь Льва Николаевича была полна самой разнообразной дѣятельности, охватывала буквально всѣ области мысли, знанія и труда, доступныя человѣку.

Это была жизнь великаго человѣка, потому что только великій человѣкъ можетъ и долженъ изучить все, испытать все, понять все. Это недосягаемо для другихъ; это подвигъ, возложенный природой на генія.

Онъ знаетъ все, что накопило въ свои сокровищницы человѣчество, что собрало оно цѣной крови, лишеній, безумной муки, горя, вѣры и смерти. Знаетъ и переоцѣниваетъ, чтобы сказать человѣчеству, что оно можетъ сохранить и что можетъ отбросить, какъ ненужное, какъ сбереженное по ошибкѣ.

Великій человѣкъ, какъ жнецъ, собравшій посѣвъ, обмоловившій зерно и просѣивающій его потомъ черезъ сито, чтобы отдѣлить мусоръ отъ пшеницы.

Онъ одинъ полновластный хозяинъ въ житницахъ человѣ-

чества, онъ одинъ умѣетъ разобраться въ накопленныхъ богатствахъ. И только онъ имѣетъ право сказать: это нужно человѣчеству и это нѣтъ.

Слово великаго человѣка просто и понятно всѣмъ.

И это достоинство и особенность великаго человѣка.

Его нельзя не понять, ему нельзя не повѣрить!

Нѣтъ нужды, что мракобѣсы и нищета черныхъ душъ—поднимуть вокругъ великаго человѣка хулу и непотство: онъ не обезсилятъ его ученія, не заглушатъ его слово. Черныя души—достояніе больныхъ, бѣсноватыхъ, уродовъ.

И великій человѣкъ безсиленъ помочь этимъ немощнымъ. Онъ не можетъ вдохнуть здоровый духъ въ смрадные уста больного. Онъ не можетъ вырвать гнилое сердце бѣсноватаго и отдать ему свое. Но за то великій человѣкъ можетъ гораздо больше, чѣмъ мы: онъ можетъ любить ихъ.

И мы, прежде всего бѣгущіе за защитой къ власти, къ государству, чтобы оградить себя и свою жизнь отъ вторженія и посягательствъ всѣхъ этихъ бѣсноватыхъ, въ силахъ ли мы поступить иначе? И можетъ ли идти рѣчь хоть о каплѣ любви къ этимъ уродамъ человѣчества съ нашей стороны?

Не дана намъ эта любовь...

Мы вооружаемся, мы требуемъ защиты, мы идемъ въ бой. И какъ все это мелко и далеко отъ любви.

Мы негодуемъ, требуемъ суда, наказаній, мы судимъ сами, сами наказываемъ, и дѣлаемъ ли мы нашу жизнь отъ этого лучше, счастливѣе?

Великій человѣкъ стоитъ одинъ, оружіе его—только слово. И голова его всегда высоко поднята, всегда открыта для всѣхъ. Онъ не отойдетъ, не прикроется ничѣмъ, чтобы избѣжать удара, спрятаться отъ него.

Онъ живетъ только закономъ любви, знаетъ только его, и ему не нужны никакіе другіе законы.

Такъ жилъ, именно такъ жилъ Левъ Николаевичъ Толстой—наша надежда, наша гордость, наше оправданіе.

Онъ былъ великъ, потому что онъ былъ простъ и понятенъ. Онъ училъ любви словомъ и дѣломъ, онъ отрицалъ всякое насиліе, и онъ показалъ намъ, что и всѣ могутъ жить такъ, что для этого не нужно живого божества на землѣ, а довольно одной живой любви. Онъ не судилъ и не наказывалъ, не искалъ обидчиковъ, чтобы мстить имъ, и самъ не боялся никакого суда для себя.

И уже на закатъ своихъ дней онъ радостно ждалъ муки и терзаній.

Призывалъ палача, чтобы раздѣлить съ несчастными мучениками и страдальцами обгащенной кровью родной земли ихъ участь.

Онъ требовалъ пытокъ и тюрьмы, онъ ждалъ казни для себя, ибо законъ любви, которымъ только и жилъ онъ, повелѣвалъ ему своимъ примѣромъ, своимъ участіемъ, раздѣлить участь несчастныхъ, принявшихъ на свои головы муки и смерть отъ человѣческаго неустройства, отъ злобы и ослабленія, вражды богатыхъ и сильныхъ съ нищими и слабыми.

Онъ искалъ Бога для людей и заклиналъ ихъ понять, раз навсегда, что „не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“. И не было предѣловъ его жертвъ для счастья человѣчества.

Живыя легенды.

Жизнь великаго человѣка не принадлежитъ ему одному. Каждое его движеніе, каждый шагъ—достояніе всего человѣчества, ибо онъ ищетъ надежды, ибо онъ жаждетъ оправданія для себя.

— Какъ живетъ онъ?

— Что дѣлаетъ онъ?

— Кому молится? Кому вѣруетъ?

— Что пьетъ и ѣстъ?

И т. д. до безконечности.

Слабое, хилое, грѣшное человѣчество неустанно слѣдитъ за его жизнью, страстно примѣриваетъ себя къ его жизни, къ его поступкамъ.

Оно знаетъ, что онъ—Учитель жизни, знаетъ это сердцемъ своимъ, и страстно хочетъ измѣрить пропасть между собой и имъ. И потому окружаетъ каждый его шагъ особымъ смысломъ, особымъ значеніемъ.

И оно глубоко право, это бѣдное человѣчество, глубоко искренно—въ этомъ стремленіи взглянуть хоть черезъ пропасть на свѣтлую жизнь Учителя. Потому что одно это созерцаніе уже согреваетъ сердце, успокаиваетъ мятущійся духъ.

Разъ есть „онъ“, разъ живетъ „онъ“, то еще есть надежда. Онъ образъ правды и счастья на землѣ, и угнетеніе и горе не вѣчный удѣлъ всего живого на землѣ.

А какъ эта правда и счастье всѣхъ людей связаны съ именемъ Льва Толстого!

Какъ удивительно сплелось со всѣмъ его существомъ это исканіе правды, и съ самыхъ дѣтскихъ, съ самыхъ раннихъ дней его жизни.

Маленькимъ ребенкомъ, четырехъ-пяти лѣтъ, будущій Учитель жизни, вмѣстѣ съ братомъ, нашелъ тайну счастья человѣческаго.

Зарыта она, эта большая тайна, въ землѣ, подъ тѣнистыми зелеными деревьями. Зарыта вмѣстѣ съ зеленой палочкой, на которой написана.

Свѣтлая греза далекаго дѣтства!

Какъ поэтична она и ярка. И говорить она о „зеленой палочкѣ“, такой необходимой для человѣчества.

Если найдутъ ее люди, выкопаютъ изъ земли, то тогда же исчезнетъ все зло на землѣ и люди станутъ братьями.

Ребенка-Толстого уже волнуетъ мысль о счастьѣ и братствѣ человѣчества.

Онъ вмѣстѣ съ братьями основываетъ „муравейное братство“, ждетъ дня, когда отыщутъ люди „зеленую палочку“—эту пальмовую вѣтвь мира и счастья для людей и надѣется войти на Форафонову гору, *) гдѣ, можетъ быть, и зарыта палочка счастья.

Изъ глубокой старины плывутъ эти лучистыя воспоминанія...

Ребенокъ-Толстой не вошелъ на „Форафонову гору“, но всю свою жизнь онъ звалъ на нее всѣхъ людей.

Ребенокъ-Толстой высказалъ одно только желаніе: „умѣть рисовать въ маломъ видѣ“. И великій духъ, волшебный духъ матери-природы наградила его этимъ умѣньемъ выше всякой мѣры.

Левъ Толстой сталъ художникомъ огромной силы и мощи и рисовалъ огромныя полотна, закрѣпляя для грядущихъ вѣковъ жизнь человѣческую, близкую ему.

Маленькая просьба, робкая просьба: „умѣть рисовать въ маломъ видѣ“, обращенная къ невѣдомой силѣ, исполняющей всѣ желанія чистыхъ сердцемъ,—была награждена великимъ даромъ.

Какъ распорядился Толстой этимъ даромъ—всѣ мы знаемъ.

*) См. стр. 36, „Ожившія грезы“

Чудесное въ жизни Толстого.

Въ молодые годы Левъ Николаевичъ былъ смѣлый и горячій охотникъ. Извѣстны его охоты съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, всѣмъ памяты и замѣчательныя страстицы въ „Аннѣ Карениной“, посвященныя охотѣ.

Но далеко не такъ извѣстны случаи на охотѣ со Львомъ Николаевичемъ, когда его спасала отъ гибели непонятная сила, почти чудесная, чтобы сберечь его геній для человечества.

Въ кабинетѣ Льва Николаевича, въ его московскомъ домѣ въ Хамовникахъ, у письменнаго стола лежала огромная медвѣжья шкура.

Этотъ трофей вывезетъ Львомъ Николаевичемъ съ Кавказа, гдѣ онъ жилъ въ горахъ все военное время, полное опасностей.

Самъ онъ рассказывалъ объ этомъ трофее охоты въ горахъ такимъ образомъ:

„... Скука была—вотъ какая! Горцы присмирѣли, и дѣлать нашему брату, военному, печего. А тутъ передали мнѣ, что въ заросляхъ, за Старогладовымъ, появились кабаны. Спросилъ слугу Алексѣя,—вѣрно, кабановъ видѣли. Пошли со слугою по лѣсу. Лѣсъ—что ночь. Сумрачно. Фазаны то-и-дѣло взлетали около насъ, но я берегъ заряды на другое дѣло, на кабана. Алексѣй скоро отбился отъ меня, и я остался одинъ среди глубокаго лѣса. Куда ни посмотрю—направо, налево—зеленая стѣна. Сталь. Прислушиваюсь. Окликнулъ слугу—отвѣта нѣтъ. Кричу еще—и вдругъ, страшный трескъ валежника, глухое, зловѣщее рычаніе... Тутъ только я почувствовалъ опасность и догадался, что это идетъ медвѣдь. Тогда я приготовился къ выстрѣлу. Я стоялъ на небольшой полянкѣ, а кругомъ—столѣтнія деревья и цѣпкій подсѣдъ, значить, зашиты—никакой. Медвѣдь—я уже видѣлъ— какъ туча надвигался на меня. Итти некуда. Я рѣшилъ встрѣтить выстрѣломъ врага. Не помню, что было дальше, но только я лежалъ подъ медвѣдемъ. Я чувствовалъ его тяжелое дыханье, волосатыя лапы и странную теплоту его тѣла. Вспомнилъ про кинжалъ, но вынуть его не могъ. Медвѣдь невозмутимо сидѣлъ на мнѣ. Мнѣ было больно и тяжело. Я былъ въ обморочномъ состояніи...

Случилось нѣчто невѣроятное. На этотъ разъ бабы собирали ягоды и, увидѣвъ медвѣдя, съ крикомъ и шумомъ набросились на него и стали бить его чѣмъ ни попало. Тотъ не выдержалъ этого внезапнаго натиска— и съ ревомъ бросился въ гущину лѣса. Черезъ минуту раздался выстрѣлъ случайно появившагося Алексѣя—и медвѣдь палъ замертво. Вотъ почему дорожку эту шкурой...

Замѣчательнѣе еще трофей, хранившійся до послѣднихъ лѣтъ въ яснополянскомъ домѣ Льва Николаевича. Этотъ трофей—ветхая шкура матерого волка.

Шкура этого волка—цѣлая исторія, какъ выразился самъ Левъ Николаевичъ.

„Это случилось въ половинѣ ноября. Стояли холодныя безснѣжныя зимы. Но скотъ еще лакомился тощею озимью. Былъ первопутокъ, и я ему всегда радовался. Сперва поѣхалъ къ Наумычу—онъ былъ завзятый охотникъ. Вотъ съ нимъ-то и пошли въ Лимоновскую посадку, гдѣ скрывались лисицы и другіе хищные звѣри (близъ деревни Крыльцово, Тульской губ.).

„Въ посадку пришли подъ вечеръ. Ту же минуту по просвѣтамъ замелькали зайцы. Все чаще и чаще. Ни одного удачнаго выстрѣла. Я шелъ дальше и дальше,—п вдругъ—передо мною волкъ, большой, матерый волкъ. Ослѣпительный блескъ зубовъ хищника на время лишилъ меня самообладанія... Потомъ пришелъ въ себя, поднялъ ружье—и ужаснулся: ослѣдка! И только въ эту минуту я вспомнилъ, что забылъ зарядить ружье послѣ того, какъ стрѣлялъ въ зайца. Положение было болѣе, чѣмъ опасное—волкъ стоялъ противъ меня, въ нѣсколькихъ шагахъ, и страшно скалилъ бѣлые клыки. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ хлестнуть волка нагайкой и ложей ружья.

„Волкъ, видимо, этого не ожидалъ, и мгновенно повалился на снѣгъ. Такимъ образомъ—я спасся отъ волка. Наумычъ былъ далеко отъ меня... И какъ онъ былъ радъ, увидѣвъ волка съ расколотымъ черепомъ!“

А вотъ и еще случай изъ жизни Льва Николаевича, когда спасеніе отъ неминуемой бѣды пришло неожиданно и негаданно.

Было это въ 1881 году.

Левъ Николаевичъ какъ-то зимой изъ Ясной Поляны

пошелъ въ церковь въ село Кочеки, въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ его усадьбы.

Зима была снѣжная и дорога тонула въ глубокихъ сугробахъ. Льва Николаевича уговаривали поѣхать на лошади, но онъ настоялъ на своемъ и пошелъ пѣшкомъ.

Отстоявши въ церкви службу, онъ тихо зашагалъ обратно.

Едва успѣлъ онъ отойти отъ Кочековъ, какъ поднялась страшная снѣжная вьюга, замѣтавшая и слѣды и закрутившая воздухъ въ снѣжномъ вихрѣ.

Вотъ какъ передаетъ М. П. Кулешовъ въ своей книгѣ: „Левъ Николаевичъ Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ“—объ этомъ случаѣ.

„Небо и земля точно слились въ одну вертящуюся бездну, въ которой Левъ Николаевичъ боролся изъ послѣднихъ силъ.

Къ ужасу снѣжной бури слышалось зловѣщее завываніе волковъ.

Это еще ухудшило физическое и душевное состояніе Льва Николаевича.

Онъ крѣпче запахиулся тулупомъ и прибавилъ шагъ, изрѣдка оглядываясь назадъ и прислушиваясь къ волчьему вою.

На полдорогѣ графъ замѣтилъ идущаго за нимъ чело-вѣка, котораго онъ примѣтилъ еще около Кочековъ, но за снѣгомъ никакъ разглядѣть не могъ—кто это ныряетъ по сугробамъ.

Остановился и спросилъ мужика.

— Это я, Осипъ Наумовъ,—отвѣтилъ тотъ.—Какъ бы не засыпало насъ... ишь, какъ! Ходилъ къ кузнецу—капканъ взять, на волка, значить,—одолѣли...

— Да, вотъ они неподалеку,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ, слыша завыванье.

— Мы ихъ сразу перепугаемъ,—хладнокровно сказалъ Осипъ.

— Какъ?

— А вотъ такъ: какъ будутъ, значить, они поблизости—мы и закричимъ, да заулюлюкаемъ. Вы громче, а я ешшо... Мы ужъ пугали такъ. И страсть какъ пугаются! А то и этой штукой угожу,—приподнялъ Осипъ капканъ.

Волки почуяли добычу—и бѣшено метались неподалеку въ сугробахъ.

Они все ближе и ближе...

А вотъ и показались хищники и, какъ бы удивленные, остановились, а нѣкоторые прилегли, только видны были морды.

Левъ Николаевичъ и Осипъ что есть силы стали кричать.

Осипъ особенно усердствовалъ, оглашая окрестность неистовымъ крикомъ. Помогалъ ему и Левъ Николаевичъ.

Волки, очевидно, были поражены неожиданнымъ копцетомъ, завyli и скрылись въ снѣжной пургѣ.

Эти маленькіе случаи въ жизни великаго человѣка теперь кажутся огромными, страшно значительными.

Почти чудесная помощь, приходившая ко Льву Николаевичу въ самые критическіе моменты, невольно заставляетъ призадуматься надъ неисповѣдимыми путями природы, направляющими жизнь ея дорогого сына.

Она дала его людямъ для совершенія великихъ дѣлъ, наставила его на нихъ и берегла каждый его шагъ, каждое его движеніе, дабы выполнить онъ предназначенное ему.

Бревно и куль травы.

Изъ устъ въ уста передается среди крестьянъ Ясной Поляны цѣлый рядъ разсказовъ о томъ, какъ Левъ Николаевичъ исполнялъ важнѣйшую заповѣдь своего ученія: о непротивленіи злу.

Ежедневно совершая свои одинокія прогулки по лѣсамъ Ясной Поляны, Левъ Николаевичъ и видѣлъ, и замѣчалъ въ лѣсу гораздо больше, чѣмъ всѣ сторожа, вмѣстѣ взятые, представленные Софьей Андреевной хранить и стеречь яснополянскій лѣсъ.

И не разъ заставлялъ онъ порубщиковъ, похитителей, но не разу не изловилъ и не обличилъ онъ ни одного изъ нихъ.

Какъ-то въ 1900 году онъ засталъ мужика, срубившаго огромное бревно и надрывавшагося надъ нимъ. Левъ Николаевичъ увидѣлъ, что мужику не справиться съ бревномъ, и пошелъ ему помочь.

— Экой ты, себя не жалѣешь. Катъ съ того конца, а я съ другого подсоблю,—такъ полегче будетъ.

И помогъ мужику взвалить тяжелое бревно на дроги...

А какимъ свѣтлымъ и наивнымъ умиленіемъ вѣетъ отъ разказа тѣхъ же крестьянъ, какъ Левъ Николаевичъ тащилъ старухѣ-вдовѣ кулъ травы, нажатой ею на графскомъ лугу.

И торопился, подгонялъ старуху, чтобы управляющій его имѣніемъ не замѣтилъ ихъ...

Много такихъ разказовъ-легендъ ходить въ Ясной Полянѣ, и встаетъ передъ глазами слушателей богатырь-печальникъ о крестьянской нуждѣ, для котораго не было „малаго дѣла“ въ жизни, не было шуточной мелочи. Ко всему подходилъ онъ съ мѣркой своей великой души и каждый его шагъ былъ полонъ значенія и глубокаго смысла.

Императоръ Александръ III и Левъ Толстой.

Въ 1885 году Левъ Николаевичъ совершилъ паломничество въ Кіевъ. Онъ побывалъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ пещерахъ, посѣщалъ храмы.

А вскорѣ начались и гоненія на Льва Николаевича, съ легкой руки Грингмута, издателя „Московскихъ Вѣдомостей“, заявившаго, что онъ не потерпитъ существованія Л. Н. Толстого.

И, дѣйствительно, зашевелились „подпольныя крысы“, какъ говорила родная тетка Льва Николаевича, камеръ-фрейлина Высочайшаго Двора, графиня Александра Андреевна Толстая.

Темной памяти свѣтскій князь церкви К. П. Побѣдоносцевъ задумалъ планъ заточенія великаго писателя русскаго въ Суздальскій Спасо-Ефимьевскій монастырь, эту средне-вѣковую темницу, порожденную изувернымъ фанатизмомъ жаждавшаго власти монашества.

Настоятелемъ этой крѣпости-монастыря въ то время былъ полковникъ артиллеріи Чичаговъ (нынѣ епископъ Серафимъ), извѣстный какъ энергичный и жестокій тюремщикъ.

Къ нему-то злой геній Россіи—Побѣдоносцевъ— и предполагалъ отдать подъ начало „еретика Толстого“.

Компанія противъ великаго писателя велась съ озлобленіемъ исключительнымъ. Планъ компаніи былъ таковъ: за-

точить Льва Николаевича въ монастырь и запретить писать ему „крамольныя“ статьи.

Съ этимъ планомъ согласился и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, которому было представлено, что заточеніе великаго писателя необходимо, въ виду его растлѣвающего вліянія на общество и народъ.

И тогда тетка Льва Николаевича, Александра Андреевна, попытавшись говорить съ министромъ и не добившись отъ него ничего, рѣшилась просить заступничества за племянника у самого Государя.

Она написала письмо Государю съ сообщеніемъ, что желаетъ Его видѣть.

Государь самъ посѣтилъ графиню.

— На-дняхъ Вамъ будетъ сдѣланъ докладъ о заточеніи въ монастырь самаго гениальнаго челоуѣка въ Россіи,—сказала графиня.

Лицо Государя вдругъ стало строгимъ и глубоко ошеченнымъ.

— Толстого?—коротко спросилъ Онъ.

— Вы угадали, Государь,—отвѣтила графиня.

— Значить, онъ замышляетъ на мою жизнь,—спросилъ Государь.

Графиня рассказала Государю о винѣ Льва Николаевича и видѣла, что Его лицо принимало все болѣе и болѣе свое обычное, кроткое и чрезвычайно ласковое выраженіе. На прощаніе графиня сказала Государю, что не на графа Дмитрія Андреевича, конечно, обрушится всеобщее въ Россіи и за-границей негодованіе, въ случаѣ утвержденія его доклада.

Докладъ, дѣйствительно, былъ сдѣланъ. Государь выслушалъ рассказъ министра о сильномъ, будто-бы, возбужденіи общества противъ Толстого и сказалъ:

— „Прошу васъ Толстого не трогать. Я нисколько не намѣренъ сдѣлать изъ него мученика и обратить на Себя всеобщее негодованіе. Если онъ виноватъ, тѣмъ хуже для него“.

Но и послѣ этого доносы продолжались и вызвали два доклада Императору Александру III о необходимости заточенія Льва Николаевича въ Суздальскій монастырь, на чемъ во второмъ докладѣ особенно настаивалъ К. П. Побѣдоносцевъ.

Но Государь былъ неуклоненъ и не утвердилъ докладовъ“.

(Цитировано по упомянутой книгѣ Кулешова).

Толстой-педагогъ.

Въ Ясной Полянѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Львомъ Николаевичемъ была заведена единственная въ своемъ родѣ школа.

Дѣтямъ-ученикамъ предоставлялась полная свобода дѣлать, что они хотятъ.

Хотятъ учиться—учатся, хотятъ играть, бѣгать, пѣть—играютъ, бѣгаютъ, поютъ.

Ни о какомъ принужденіи—не было и рѣчи.

И результаты, достигнутыя Львомъ Николаевичемъ, были поразительные.

Ребятишки, послѣ одного-двухъ посѣщеній толстовской школы, такъ заинтересовывались ученіемъ, что ужъ вполне сознательно и охотно оставляли для него любимыя игры и забавы.

Не мало являлось ко Льву Николаевичу и помощниковъ въ его школьныхъ начинаніяхъ.

Проникнувшись педагогическими задачами Льва Николаевича, много студентовъ, посѣтившихъ оригинальную школу, оставалось его помощниками-учителями. И Левъ Николаевичъ уже мечталъ о расширеніи школьнаго дѣла на основаніяхъ, показавшихъ себя на опытѣ жизненными.

Но и школьное дѣло возбудило страхи и опасенія недружелюбныхъ властей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ усмотрѣлъ опасность для дѣла народнаго образованія и воспитанія въ своеобразныхъ, дотолѣ невѣдомыхъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ педагогическихъ приѣмахъ Льва Николаевича. Боязнь за народное образованіе, въ случаѣ прикосновенности къ нему Льва Толстого, побудила заботливаго министра поднять передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопросъ о пригодности Льва Николаевича въ роли педагога. И хотя министръ народнаго просвѣщенія не нашелъ основательными опасенія своего товарища, по все же яснополянская школа должна была прекратить свое существованіе.

Всесильное министерство внутреннихъ дѣлъ позаботилось объ этомъ...

Но эта неудача и неодобреніе педагогической дѣятель-

ности не заставили Льва Николаевича разстаться съ ребятами-учениками.

До послѣднихъ лѣтъ въ его кабинетѣ или на террасѣ собирались по вечерамъ крестьянскія дѣти и выслушивали уроки Льва Николаевича.

А какъ они были вразумительны и оригинальны, показываютъ хотя бы слѣдующіе два.

Урокъ первый. „Для того, чтобы жизнь была хорошая,—человѣку надо жить для Бога и по Его закону.

„Но для того, чтобы жить для Бога и по Его закону, надо знать, что такое Богъ и какой Его законъ.

„Богъ, какъ сказано въ Евангеліи, есть духъ, и Его никто не видалъ никогда. И въ насъ во всѣхъ есть духъ Божій. Такъ что мы по духу—сыны Божіи. Отъ этого мы и называемъ Бога отцомъ: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“. Законъ же Божій есть только одинъ: въ томъ, чтобы мы любили другъ друга, потому что, если мы любимъ, мы исполняемъ волю Бога и дѣлаемся сынами Божиими. Если же мы не любимъ, то мы отступаемъ отъ Бога и мы не сыны Его.

„Богъ есть любовь, и законъ Его въ томъ, чтобы мы любили другъ друга.

Урокъ второй. „Услыхали разъ рыбы въ рѣкѣ, что люди говорятъ: рыбамя, говорятъ, можно жить только въ водѣ. И стали рыбы другъ у друга спрашивать: что такое вода? И ни одна рыба въ водѣ не могла сказать, что такое вода? Тогда умная старая рыба сказала, что есть въ морѣ премудрая рыба, она все знаетъ. Спросимъ ее, что такое вода? И вотъ поплыли рыбы въ море къ старой премудрой рыбѣ и спросили ее: какъ бы намъ узнать, что такое вода?

„И премудрая рыба сказала: вы не знаете, что такое вода, потому что живете въ водѣ. Узнаешь воду тогда, когда выскочишь изъ нея и подумаешь, что безъ нея жить нельзя. Только тогда поймешь, что мы водой живемъ и что безъ воды нѣтъ жизни.

„Такъ же и съ людьми, если они думаютъ, что не знаютъ Бога... Мы живемъ въ Богѣ и Богомъ, и только что уйдемъ отъ Бога, сейчасъ намъ такъ же будетъ плохо, какъ рыбѣ безъ воды“. (Цитировано по выше назв. книгѣ М. Кулешова).

Уже изъ этихъ двухъ примѣровъ ясно, какъ смотрѣлъ на свою педагогическую работу Левъ Николаевичъ.

Прежде всего хотѣлъ онъ подготовить ученика къ сознательному пониманію жизненной задачи, какъ задачи служенія важнѣйшему закону, закону любви. Исполнять этотъ законъ, служить ему—значить жить въ Богѣ. И только эта жизнь—есть жизнь хорошая, только тогда человекъ чувствуетъ себя какъ рыба въ водѣ.

Послѣдняя легенда.

Послѣдніе дни жизни Льва Николаевича окружены ореоломъ величія и тайны.

Глухой ночью, когда пронизывающая стужа обвѣвала сырую осеннюю землю, онъ всталъ и ушелъ изъ тепла, изъ довольства.

Куда?

Зачѣмъ?

Кто это знаетъ, кто на это отвѣтитъ!

Богатырь духа унести тайну съ собой въ могилу. А мы остались недоумѣвающие, безпомощные, растерянные...

Мы слѣдили за каждымъ его шагомъ, прислушивались къ каждому его слову.

И мы не знали его...

Всѣ мы слышали, какъ воскликнулъ онъ:

— Не могу молчать!

Всѣ мы склонились, когда раздался его грозный окрикъ:

— Опомнитесь, что вы дѣлаете! А если не хотите опомниться, то сдѣлайте и со мною то же, что съ другими. Накиньте намыленную веревку на мою старую шею!

И мы шептались между собой, поражаясь силѣ духа нашего Учителя.

Но никто не зналъ, что отвѣтитъ ему.

Онъ говорилъ, онъ кричалъ, а мы... безмолвствовали.

И только теперь, когда ушелъ онъ совсѣмъ отъ насъ, мы говоримъ такъ много, такъ горячо, такъ искренно.

Мы говоримъ:

— Ушла наша совѣсть...

— Замолкъ пророкъ и учитель...

— Зарыто въ могилѣ наше оправданіе передъ міромъ...

И говоримъ мы искренно, мы вѣримъ въ него.

И все же мы не знаемъ, что же намъ дѣлать?

.....

...Стоить передъ глазами унылая, холодная ночь... Опустилась она надъ бѣдной русской землей, тяжелымъ шатромъ придавила ее.

Не слышно ни жизни, не видно свѣта...

И только тамъ, въ Ясной Полянѣ, горитъ неугасимый жертвенникъ въ сердцѣ великаго печальника всего страждущаго человѣчества.

Онъ бодрствуетъ за насъ, онъ теплится всегда.

Наша ежедневная злоба, наши маленькія дѣла идутъ своимъ чередомъ. Гдѣ ужъ намъ оторваться отъ нихъ!

Одинъ онъ за насъ и думаетъ, и молится.

Мы спимъ...

И вдругъ страшный ударъ. Средн безмолвія холодной ночи.

Испуганные вскочили мы.

— Онъ ушелъ! Онъ ушелъ...

Тысячеголосымъ эхомъ перекатилось по всему міру.

— Онъ ушелъ! Онъ ушелъ...

Отдалось во всѣхъ уголкахъ земли.

И чѣмъ громче, чѣмъ многоголосѣ разливалось по землѣ эхо, чѣмъ настойчивѣ звучала неожиданная вѣсть, тѣмъ страшнѣе становился для насъ грядущій день.

— Мы—безъ него!

— Что же мы? Что дѣлать? Какъ быть?

И всѣ поняли, что осиротѣли.

Такъ неожиданно, такъ страшно.

Мы не могли помириться съ мыслью, что мы остались одни, что Великій Учитель ушелъ отъ насъ.

И побѣжали... ловить его, искать...

И уже почти нашли его!

Безпомощные, горькіе сироты.

И кто знаетъ, что сказалъ бы онъ намъ?

Но его ждало другое, его ждала смерть. Она стала намъ поперекъ дороги...

Она закрыла отъ нашихъ глазъ Учителя и унесла его тайну.

И мы вернулись къ своимъ дѣламъ, къ своимъ заботамъ, къ своимъ житейскимъ мелочамъ.

Но какъ?

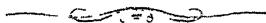
Неужели же опять съ пустыми руками?

Неужели мы не принесли съ собой ничего, чтобы укра-

сить нашу жизнь, чтобъ улучшить ее праздничнымъ нарядомъ?

Вѣдь мы были у источника неизмѣримой щедрости и красоты. Мы черпали изъ этого источника и неужели мы не запасли драгоценной воды живой?

.....

Оптина пустынь.

Левъ Николаевичъ Толстой.

В. А. Тютчевъ.

„Закатъ“.

Послѣдніе дни.

I.

По порученію редакціи газеты „Копѣйка“, я выѣхалъ въ Астапово 4-го ноября вечеромъ. Уже въ пути, когда узнали, что я ѣду въ Астапово и, притомъ, по порученію редакціи, меня забросали вопросами: не извѣстно-ли что-нибудь новое, что слышно помимо свѣдѣній, помѣщенныхъ въ газетахъ, и т. д. Словомъ, чувствовался жгучій интересъ къ тому, что совершается на маленькой станціи.

Въ Астапово нашъ поѣздъ прибылъ около половины десятаго утра. Въ нѣсколько мгновеній вагоны опустѣли. Всѣ бросились къ желѣзнодорожнымъ служащимъ съ однимъ вопросомъ:

— Гдѣ лежитъ Толстой?

И еще черезъ нѣсколько мгновеній цѣлая толпа стояла у ограды скромнаго, одноэтажнаго краснаго домика начальника станціи. Многіе стояли, обнаживъ головы. Только послѣ второго звонка, пассажиры медленно, оглядываясь, направились къ вагонамъ. Они, видимо, хотѣли возможно глубже запечатлѣть въ памяти этотъ историческій отнынѣ домикъ.

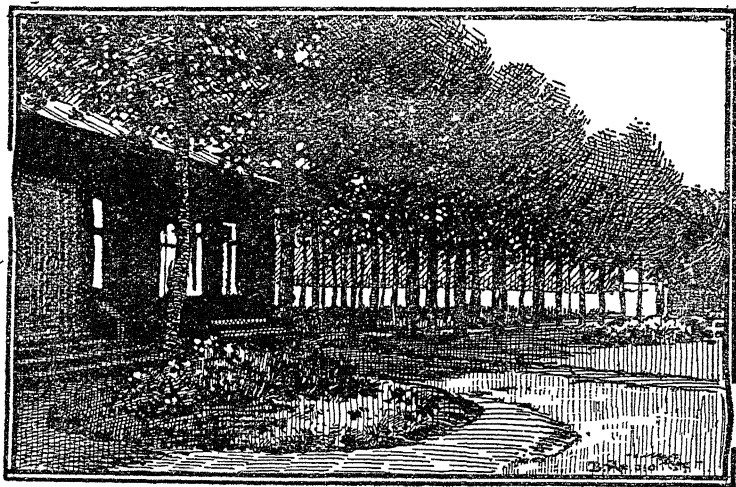
Поѣздъ ушелъ, но станція не опустѣла.

Прежде, чѣмъ пойти дальше, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самой станціи Астапово. Это—узловая станція Рязанско-Уральской ж. д. Отъ нея идутъ четыре линіи: одна—на Раненбургъ, къ Казанской ж. д., другая—на Троекурово, откуда идетъ путь къ Павелецкой дорогѣ, третья—на Елецъ, и четвертая—на Волово, къ Курской дорогѣ. Однако, несмотря на такое обиліе линій, вокругъ Астапова

ются всего нѣсколько десятковъ домиковъ, въ которыхъ, среди непролазной грязи, живутъ почти исключительно желѣзно-дорожные служащіе. Можно себѣ представить, какъ пребываніе Льва Николаевича всколыхнуло жизнь этого поселка!

И направился въ станціонный буфетъ, встрѣтился тамъ съ нѣсколькими товарищами по перу и быстро ориентировался. Оказалось, что желѣзно-дорожная администрація позаботилась о представителяхъ печати и отвела въ ихъ распоряженіе цѣлый домъ, такъ что о помѣщеніи заботиться было нечего и можно было сразу отдаться наблюденіямъ.

Тяжелы были эти наблюденія...

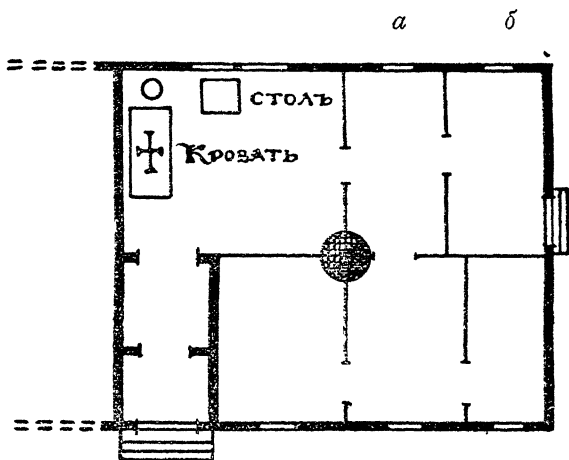

Домъ въ Астаповѣ, гдѣ скончался Л. Н. Толстой.

Прежде всего, конечно, я внимательно осмотрѣлъ домъ, въ которомъ лежалъ Левъ Николаевичъ. Это—одноэтажное зданіе, фасадъ котораго изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Окрашенъ въ обычно красно-бурый цвѣтъ желѣзно-дорожныхъ построекъ. Между домомъ и рельсовыми путями—маленькій садикъ, въ который выходятъ тѣ два смежныхъ окна, за ко-

торыми страдалъ Толстой. Планъ этого домика помѣщенъ на прилагаемомъ рисунокѣ. Сзади домика типичный станціонный дворъ. Сюда выходить крыльцо, черезъ которое былъ вынесенъ прахъ Льва Николаевича.

Я обошелъ домикъ кругомъ, вошелъ во дворъ и увидѣлъ на крыльцѣ Андрея Львовича, одного изъ сыновей Льва Николаевича. Я подошелъ къ нему и освѣдомился о состояніи дорогого больного. Андрей Львовичъ далъ нѣкоторыя свѣдѣнія, но при этомъ сообщилъ, что подробные бюллетени, подпи-

Планъ дома въ Астаповѣ.

а и б комнаты докторовъ и Александры Львовны.

санные врачами, выпускаются черезъ каждые два часа и объявляются на станціи. Пришлось извиниться.

Дѣйствительно, приблизительно черезъ каждые два часа тотъ же Андрей Львовичъ приходилъ въ станціонный буфетъ съ громкимъ восклицаніемъ:

— Бюллетень!

Всѣ бросались къ нему и начиналось чтеніе бюллетеня.

Я не буду передавать подробностей теченія болѣзни. Это гораздо лучше и полнѣе сдѣлано въ помѣщенномъ ниже от-

четъ врачей, пользовавшихъ Льва Николаевича. Ограничусь передачей только своихъ личныхъ впечатлѣній.

Хотя 5-го ноября положеніе Льва Николаевича и было очень серьезно, но оно далеко не считалось безнадежнымъ, такъ что въ этотъ день жизнь на станціи текла довольно спокойно, и можно было наблюдать, не уносясь каждую секунду мыслями къ постели великаго больного.

Въ станціонномъ буфетѣ стояла непрерывная сутолока: въ Астаповѣ постоянно находились друзья Льва Николаевича, жила вся его семья и, наконецъ, дежурили болѣе двадцати корреспондентовъ разныхъ газетъ.

Въ углу буфета, у окна, стоитъ небольшой столъ, служащій предметомъ общаго вниманія: это—столъ семьи Толстого. Случилось такъ, что, приѣхавъ въ Астапово, сыновья Льва Николаевича въ первый разъ обѣдали за этимъ столомъ. И съ этихъ поръ, по молчаливому соглашенію всѣхъ, этотъ столъ всегда оставался свободнымъ. Если случалось, что какой-нибудь проѣзжій занималъ мѣсто за этимъ столомъ, ему тотчасъ сообщали, что это—столъ семьи Льва Николаевича, и только въ одномъ случаѣ два развязныхъ молодыхъ человѣка заявили, что „имъ нѣтъ до этого никакого дѣла“. Во всѣхъ другихъ случаяхъ проѣзжіе вставали и пересаживались за общій столъ.

Раза два-три въ день за этимъ столомъ усаживались родные и близкіе друзья Льва Николаевича. У окна помѣщалась Софья Андреевна, рядомъ съ ней, обыкновенно, Сергѣй Львовичъ, потомъ Андрей Львовичъ. Противъ Софьи Андреевны—Михаилъ Львовичъ и Илья Львовичъ. Изрѣдка появлялась Татьяна Львовна. Изъ друзей чаще всего появлялись Горбуновъ-Посадовъ, Гольденвейзеръ и др. Иногда, особенно 5-го и 6-го ноября, пока еще была надежда на выздоровленіе, за этимъ же столомъ поочередно появлялись врачи.

5-го ноября оживленно обсуждалась только-что полученная телеграмма митрополита Антонія, въ которой онъ умоляетъ Толстого „примириться съ церковью и православнымъ русскимъ народомъ“. Но положеніе Льва Николаевича было настолько серьезно, что показать ему эту телеграмму было рискованно. Ослабѣвшее сердце могло не выдержать волненія. И телеграмму ему не показали. Да и къ чему? Не таковъ былъ Левъ Николаевичъ, чтобы мѣнять свои убѣжденія по одной телеграммѣ...

Послѣ обѣда получается телеграмма изъ Москвы: въ Астапово выѣхали профессоръ Щуровскій и докторъ Усовъ. На слѣдующій день предстоитъ рѣшительное совѣщаніе врачей. Въ сердце закрадывается смутная тревога. Послѣдніе бюллетени носили успокоительный характеръ. Врачи сообщаютъ, что воспалительный процессъ въ правомъ легкомъ разрѣшился, а въ лѣвомъ—протекаетъ нормально. Около Льва Николаевича—три врача, не считая желѣзнодорожного. Если понадобилось вызвать изъ Москвы еще двухъ врачей, значитъ положеніе больного хуже, чѣмъ стараются увѣрить...

Невольно тянетъ къ роковымъ двумъ окнамъ, наполовину закрытымъ бѣлыми занавѣсами. Уже стемнѣло, за занавѣсами горитъ свѣча. Комната освѣщена тускло. Напрягая зрѣніе, изрѣдка можно замѣтить передвигающіяся тѣни. Никакой суеты не замѣтно.

Возвращаюсь на станцію, и, при входѣ въ буфетный залъ, невольно отшатываюсь: предо мной вырастаютъ двѣ черныя, зловѣщія фигуры. Оказывается, это—игуменъ Оптиной пустыни о. Варсонофій и іеродіаконъ той же пустыни о. Пантелеймонъ. Игуменъ рѣшительно отказывается отвѣчать на вопросы и скрывается куда-то, а іеродіаконъ, напротивъ, очень словоохотливъ и охотно сообщаетъ, что они пріѣхали сюда по порученію Синода, для „увѣщанія“ графа Толстого.

— И падѣтесъ на успѣхъ?—спрашиваю я.

Іеродіаконъ мнется:

— Какъ вамъ сказать... конечно, если Господь его не просвѣтитъ, то что-же мы можемъ...

Первая ночь моего пребыванія въ Астаповѣ проходитъ не особенно тревожно. Я позволяю себѣ даже прилечь на короткое время. Роскошь, отъ которой въ слѣдующія ночи пришлось отказаться.

Около часа ночи монахи появляются въ буфетѣ съ крайне разочарованнымъ видомъ. Оказывается, что, несмотря на настойчивыя просьбы, ихъ не пустили къ больному. О. Варсонофій, плотный старикъ, съ пушистыми волосами, въ большихъ круглыхъ дымчатыхъ очкахъ, оживленно бесѣдуетъ съ жандармскимъ ротмистромъ. Потомъ монахи исчезаютъ въ дамской комнатѣ.

Къ утру бюллетени получаютъ еще болѣе успокоительные. Левъ Николаевичъ кушалъ, пилъ кофе. Слабость не усиливается. Всѣ вздыхаютъ свободнѣе...

Туманное, промозглое утро. Кажется, будто и весь мозгъ окутанъ какимъ-то туманомъ. Лѣнливо ворочаются мысли... Выхожу на перронъ. Сквозь бѣлесоватую пелену все такъ-же ровно свѣтятся два окна съ бѣлыми занавѣсами...

6-ое ноября протекло несравненно тревожнѣе, чѣмъ 5-ое. Утромъ приѣхали Щуровскій и Усовъ. Всѣ съ замираніемъ сердца ждали подписаннаго ими бюллетеня, всѣ ждали, что въ этомъ бюллетенѣ будетъ высказанъ взглядъ на общее положеніе больного, но всѣмъ пришлось разочароваться. Такого бюллетеня не было. За то въ началѣ третьяго часа появился бюллетень о только что миновавшемъ продолжительномъ припадкѣ рѣзкаго ослабленія сердечной дѣятельности. Въ станціонномъ буфетѣ шопотомъ передають самые разнорѣчивые слухи. Вообще сразу установилась какая-то растерянность.

Льву Николаевичу хуже.

Этимъ все сказано. Передаютъ, что Левъ Николаевичъ не узналъ прибывшихъ врачей, съ трудомъ узнаеть Александру Львовну и Татьяну Львовну. На минуту показывается докторъ Никитинъ. Онъ страшно осунулся, поблѣднѣлъ. Его окружають тѣснымъ кольцомъ и забрасываютъ вопросами. Но онъ молча отмахивается руками и усталой походкой возвращается въ домъ.

До этого времени я никогда не думалъ, чтобы роковое событіе, прежде чѣмъ наступить, могло до такой степени вліять на настроеніе людей. Левъ Николаевичъ еще былъ живъ. Врачи еще увѣряли окружающихъ (а можетъ быть, и самихъ себя), что надежда еще не потеряна, что могучій организмъ Толстого можетъ выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ болѣзнью. Но откуда-то съ глубины души мутной волной поднималось сознаніе, что роковой исходъ близокъ. Левъ Николаевичъ былъ живъ, но на глазахъ выступали слезы. Люди избѣгали глядѣть другъ на друга, избѣгали говорить другъ съ другомъ. Говорить объ обыденныхъ вещахъ въ такія минуты невозможно, а говорить о томъ, что властно захватило всѣ думы... страшно.

Опять наступила ночь. О снѣ, конечно, никто не думаетъ. Всѣ бродятъ по вокзалу и по рельсовымъ путямъ, не находя себѣ мѣста. Погода какъ будто раздѣляетъ подавленное настроеніе людей. Земля слегка подмерзла, а сверху тихо падаютъ не то мелкія дождевыя капли, не то что-то склизлое, отвратительно холодное...

Во дворикѣ собрались родные и друзья Льва Николаевича. Слышится тревожный пошопѣтъ. Врачи не показываются. До половины третьяго нѣтъ никакихъ извѣстій. Только тѣни, движущіяся за бѣлыми занавѣсами, говорятъ о томъ, что жизнь еще теплится.

Накопецъ—бюллетень! Всѣ жадно набрасываются на Андрея Львовича. Увы, вѣсти очень неутѣшительныя: въ 2 часа 20 минутъ повторился сердечный припадокъ. Начался онъ съ рѣзкаго возбужденія. Левъ Николаевичъ заметался по постели, поднялся, спустилъ ноги на полъ. Его едва успѣли удержать. Хотѣли дать ему кислорода, онъ сказалъ:

— Не надо.

Хотѣли вспрыснуть камфору:

— Уберите.

Прибѣгнувъ къ хитрости, ему вспрыснули морфій и только послѣ этого онъ успокоился.

Конецъ.

Въ четвертомъ часу свѣча за бѣлыми занавѣсами погасла. Левъ Николаевичъ уснулъ. Но кромѣ него въ эту ночь никто не спалъ...

Никто не произнесъ рокового слова: „конецъ“, но оно висѣло въ воздухѣ, оно, казалось, наполняло собою все. Мужчины ходятъ съ заплаканными лицами. Никто не сидитъ. Въ сталціонное зданіе заходятъ какъ-будто печально, и сейчасъ же спѣшать наружу, къ двумъ окнамъ, за которыми совершается міровая трагедія.

Я не могу себѣ представить ничего ужаснѣе этой ночи. Темно. На рельсовыхъ путяхъ сквозь туманъ какъ-то особенно зловѣще мигаютъ красные сигнальные фонари. Въ садикѣ, разбитомъ передъ историческимъ домикомъ, стоятъ нѣсколько березъ. Ихъ вѣтви покрыты обледепѣлой корой. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка вѣтви сталкиваются, ледяная кора звенить и потрескиваетъ и создается гулъ, напоминающій какіе-то далекіе, невообразимо печальные звуки музыки. Кажется, будто гдѣ-то вдали рыдаютъ сонмы невѣдомыхъ существъ... Нужно имѣть не нервы, а канаты, чтобы не заплакать. И всѣ плачутъ.

Въ пять часовъ утра бюллетень: рѣзкое пониженіе сердечной дѣятельности. Пульса почти нѣтъ. Левъ Николаевичъ въ забытіи. Всѣ молчатъ. Для всѣхъ ясно, что это значитъ. Иду на телеграфъ и дрожащей рукой пишу телеграмму:

— Безнадежно.

Всѣ столпились передъ роковыми окнами и не спускаютъ съ нихъ взора. Тамъ замѣтно лихорадочное движеніе. Тѣни мелькаютъ быстро, мечутся изъ стороны въ сторону. Тамъ совершается послѣдній актъ трагедіи. Вотъ, кто-то взялъ свѣчу... высоко поднялъ ее, такъ что падъ головой показалась чья-то рука... Кто-то задѣлъ запавъсь, она заколыхалась... Такой неосторожности раньше не замѣчалось...

Но, нѣтъ! Хочется себя увѣрить, что еще не все кончено, что хоть нѣсколько дней Левъ Николаевичъ пробудетъ съ нами, что отъ него до насъ донесутся еще хоть нѣсколько словъ...

Напрасная надежда. Въ 6 часовъ 10 минутъ докторъ Никитинъ выноситъ краткій бюллетень:

— Левъ Николаевичъ тихо скончался въ 6 часовъ 5 минутъ утра.

Послышались рыданія. Не было ни одного человѣка, который, по крайней мѣрѣ, не прослезился-бы. И когда мы, журналисты, писали наши скорбныя телеграммы, мы старались не глядѣть другъ на друга. Намъ не хотѣлось хотя взглядомъ помѣшать другъ другу выражать скорбь такъ, какъ каждому хочется...

Разсвѣло. Забрезжело тусклое, осеннее утро. Но свѣтъ не разсвѣлялъ настроенія. Да развѣ и могло что-нибудь ободрить, когда въ мозгу огненными буквами было написано:

— Толстой умеръ...

Когда дорогое тѣло лежало здѣсь, рядомъ, за тонкой деревянной стѣпой...

Съ понуренными головами, ни на кого не глядя, вышли изъ домика родные покойнаго и медленно направились къ вагону, въ которомъ они все время жили. Внутри домпка начался печальный обрядъ обмывалія тѣла.

Никакое описаніе не дастъ понятія о томъ, что въ это утро дѣлалось на телеграфѣ въ Астаповѣ. Тамъ есть желѣзнодорожный телеграфъ и телеграфъ правительственный. Благодаря заботливости желѣзнодорожной администраціи, были поставлены добавочные аппараты, а пріѣхавшій въ Астапово начальникъ почтово-телеграфнаго округа распорядился, чтобы

у аппаратовъ работали три смѣны телеграфистовъ. Несмотря на это, даже срочныя телеграммы, какъ потомъ выяснилось, приходили въ Москву часа черезъ четыре. Первые часы послѣ смерти Льва Николаевича, предназначенныя къ отправкѣ телеграммы лежали на столѣ телеграфистовъ грудями по нѣсколько сотъ штукъ и всѣ—съ помѣткою „срочная“. Понятно, что срочность этого моря телеграммъ была весьма сомнительная. Уже при первомъ наплывѣ телеграммъ чиновники перестали брать за нихъ деньги. Разсчитываться въ это время не было никакой возможности. И только къ вечеру каждый отправлявшій телеграммы получилъ конвертъ съ квитанціями и уплатилъ слѣдующія съ него деньги. Телеграфировали не только журналисты. Длинный рядъ телеграммъ послали представители желѣзнодорожной администраціи, представители полиціи, жандармскій ротмистръ, о. Варсонофій. Всего, по приблизительному подсчету, 7-го ноября изъ Астапова было послано болѣе 8.000 телеграммъ.

Сдавъ свои редакціонныя телеграммы, я отправился въ буфетъ, чтобы хоть немного отдохнуть. О томъ, чтобы лечь, печего было и думать: намъ обѣщали разрѣшить войти къ Льву Николаевичу, какъ только его тѣло будетъ приведено въ порядокъ.

По буфетной комнатѣ, съ растеряннымъ видомъ, взадъ и впередъ ходилъ о. Варсонофій. Иногда онъ разводилъ руками и что-то шепталъ про себя. Потомъ выяснилось, что о. Варсонофій все еще надѣялся, что ему удастся, хотя передъ смертью Толстого, проникнуть къ нему и дать ему хотя бы „глухую“ псповѣдь. Это было-бы для Синода самымъ удобнымъ выходомъ изъ того непріятнаго положенія, въ которое онъ себя поставилъ, отлучивъ Толстого отъ церкви. Но о. Варсонофій мирно спалъ въ то время, когда умиралъ Левъ Николаевичъ. О. Варсонофія разбудили только въ восьмомъ часу утра, когда все уже было кончено. Понятно, что онъ чувствовалъ себя растеряннымъ.

Прощаніе.

Около восьми часовъ утра было объявлено, что можно пройти въ домъ...

Я не помню, когда въ жизни я испытывалъ такую робость, какая охватила меня, когда я подходилъ къ скромному крыльцу историческаго дома. Развѣ только на вступительномъ гимназическомъ экзаменѣ, когда я впервые предсталъ предъ учителями въ мундирахъ.

На крыльцѣ дежурятъ два станціонныхъ сторожа. Пока дозволено пропускать только родныхъ, друзей и дѣятелей печати. Открывъ дверь и вхожу въ крошечную, въ девять квадратныхъ аршинъ, переднюю. Прямо противъ входной двери—другая дверь. Она открыта и изъ передней видна та кровать, на которую мысленно устремлены взоры всего міра. Сквозь еловые вѣтви, которыми успѣли убрать кровать, смутно вырисовывается высокій лобъ съ раскинувшимися на подушкѣ пепельными волосами. Я невольно прижимаюсь къ стѣнѣ. Хочется сдѣлаться меньше, незамѣтнѣе, какъ многіе испытывалъ то-же самое чувство при жизни Льва Николаевича. Несмотря на свою безпредѣльную доброту и мягкость, онъ былъ настолько великъ, что рядомъ съ нимъ простые смертные казались крошечными. То же чувство внушилъ онъ мнѣ и теперь.

Наконецъ, я рѣшился войти въ комнату.

Левъ Николаевичъ лежалъ на кровати, только что полученной изъ Москвы. Густыя, такъ хорошо всѣмъ извѣстныя брови нависли надъ навсегда закрывшимися глазами. Между ними легла глубокая морщина, но могучій, высокій лобъ былъ ясенъ. Казалось, что Толстой думаетъ великую думу, но эта дума не тревожитъ его, а, напротивъ, успокаиваетъ. Нижняя челюсть была подвязана платкомъ и это мѣшало видѣть Толстого такимъ, какимъ мы привыкли его знать. Одѣтъ онъ въ черную блузу, до груди прикрытъ простыней.

Я тихо подошелъ къ кровати, долго всматривался въ дорогія черты, потомъ склонился, поцѣловалъ руку...

Не буду описывать того, что я переживалъ въ эти мгновенія. Это ясно безъ словъ. Скажу только, что я былъ настолько потрясенъ, что лишь отойдя отъ кровати, я сквозь слезы увидѣлъ въ углу, на стулѣ, согнувшуюся фигуру Софьи

Андреевны. Я поклонился ей, она на поклонъ не отвѣтила. Не замѣтила. Не до того ей было. Она склонилась надъ изголовьемъ кровати и взглядывалась въ лицо Льва Николаевича. Изрѣдка она гладила его лобъ рукой, и блѣдныя, безкровныя губы что-то шептали.

Я чувствовалъ, что еще мгновение и я разрыдаюсь, какъ ребенокъ. Я поспѣшилъ уйти.

Когда я вышелъ на крыльцо, на дворѣ стояла значительная толпа. Толпа была разношерстная, большинство стояло безъ шапокъ. Подходили все новыя и новыя лица.

Оказалось, что только что пришелъ поѣздъ. Вѣсть о смерти Льва Николаевича разнеслась съ быстротой молніи и всѣ вагоны мгновенно опустѣли. Пассажиры умоляли сыновей Толстого позволить имъ взглянуть на дорогой прахъ, но имъ этого не разрѣшали. Пожалуй, сыновья были правы: какъ я только что сказалъ, Левъ Николаевичъ еще не совсѣмъ былъ убранъ, и видъ его далъ-бы лишь поводъ для праздныхъ пересудовъ. Черезъ нѣсколько часовъ доступъ къ тѣлу былъ открытъ для всѣхъ.

Около десяти часовъ утра я снова поднялся на завѣтное крыльцо, снова вошелъ въ комнату. Теперь повязка была снята. Знакомая борода патріарха раскпнулась по груди. передо мной лежалъ теперь тотъ Левъ Николаевичъ, котораго по портретамъ знаетъ весь міръ. Смерть до такой степени пощадила эти великія черты, что казалось, будто Левъ Николаевичъ... не заснулъ даже, нѣтъ, а, какъ онъ это любилъ иногда дѣлать, закрылъ глаза и на минуту задумался, прежде чѣмъ отвѣтить на какой-нибудь особенно интересный вопросъ. И эта, если такъ можно выразиться, жизненность лица производила страшное, невѣроятное впечатлѣніе. Не вѣрилось, что онъ умеръ. Казалось, что сейчасъ поднимутся вѣки, ласково сверкнутъ пронизательные глаза, откроются губы и раздастся тихій, проникновенный голосъ...

И только зеленыя вѣтви, которыми теперь была усыпана простыня, да скорбная фигура Софьи Андреевны властно напоминали о тяжелой дѣйствительности...

Въ теченіе дня я нѣсколько разъ входилъ въ эту комнату и неизмѣнно заставлялъ у изголовья кровати Софью Андреевну.

Паломничество.

Около одиннадцати часовъ утра былъ возложенъ первый и, пожалуй, самый трогательный вѣнокъ: вѣнокъ отъ мѣстныхъ маленькихъ школьницъ. Вѣнокъ сдѣланъ изъ еловыхъ вѣтвей, украшенъ наивно вырѣзанными бумажными цвѣтами и къ нему, въ видѣ ленты, прикрѣплена длинная полоса бѣлой матеріи, на которой чернилами, крупными дѣтскими буквами написано: „Великому дѣдушкѣ отъ маленькихъ почитательницъ“. Но именно эта наивность особенно глубоко и трогаетъ.

Около полудня привозятъ огромный вѣнокъ изъ бѣлыхъ хризантемъ отъ служащихъ станціи Астапово. Позднѣе появляется роскошный металлическій вѣнокъ отъ служащихъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

Когда я увидѣлъ эти богатые вѣнки около скромнаго и необъятно-великаго въ своей скромности Льва Николаевича, я невольно подумалъ:

— Къ чему это? Вѣдь онъ давно просилъ похоронить его безъ всякой пышности и, главное, безъ вѣнковъ. Пусть остался бы съ нимъ только одинъ милый, свѣтлый дѣтскій вѣпокъ. Кстати же онъ такъ любилъ дѣтей...

Съ полудня, когда начали пускать на поклоненіе праху всѣхъ желающихъ, вокругъ домпка выросла огромная толпа и началась настоящая давка. Всякому непремѣнно хотѣлось поскорѣе увидѣть дорогого покойника. Пестрыми лептами протянулись вереницы учениковъ и ученицъ мѣстныхъ школъ. Появились депутаціи отъ служащихъ, рабочихъ, кондукторовъ, отдѣльных деревень, словомъ, началась сутолока, которая такъ больно дѣйствуетъ на людей, убитыхъ настоящимъ горемъ.

Софью Андреевну, несмотря на ея протесты, увели въ вагонъ. Ей необходимо было отдохнуть: на завтра предстояло тяжелое испытаніе: перевезеніе тѣла.

Когда я, часовъ въ шесть вечера, снова вошелъ въ домикъ, мимо кровати съ тѣломъ непрерывной вереницей проходили желающіе проститься съ Толстымъ. Ихъ впускали черезъ одну дверь и выпускали черезъ другую. Я былъ свидѣтелемъ многихъ трогательныхъ сценъ. Всѣ плачутъ, и молодые и старые, и женщины и мужчины. Вотъ, бородатый кре-

стьянинъ подводитъ къ тѣлу двухъ мальчиковъ и, захлебываясь слезами, говорить имъ:

— Помните! Всю жизнь помните, что васъ Господь привелъ Толстого видѣть.

Женщины всхлипываютъ. Иногда раздается причитаніе, но окружающіе быстро возстановливаютъ тишину. Вообще, чувствуется крайне благоговѣніе, полное пониманіе важности событія. Люди видимо сознаютъ, кто лежитъ передъ ними, кого потерялъ міръ.

Наблюдая эту сѣрую массу у тѣла Льва Николаевича, я лишній разъ убѣдился въ томъ, какъ заблуждаются люди, утверждающіе, будто нашъ народъ слишкомъ сѣръ для того, чтобы читать то, что читаемъ мы. Будто народу нужно давать какую-то особую литературу. Нѣтъ! Вотъ, напримѣръ, каждая строчка, написанная Львомъ Николаевичемъ одинаково понятна и глубокому философу и полуграмотному крестьянину...

Дѣлались попытки произносить у тѣла рѣчи, но ихъ сейчасъ же прекращали. Дали договорить только одному народному учителю, который съ большимъ жаромъ очертилъ личность Льва Николаевича и сравнилъ наше время, время свободъ, когда писать ничего нельзя, съ временемъ цензуры, когда писать все-таки было можно.

Когда стемнѣло, въ комнатѣ зажгли лампу. Хотѣли было зажечь свѣчи, но потомъ рѣшили, что это будетъ напоминать обрядность, противъ которой Левъ Николаевичъ высказывался самымъ рѣшительнымъ образомъ. И странное, жуткое впечатлѣніе производило тѣло, освѣщенное съ одной стороны желтымъ свѣтомъ лампы подъ темнымъ абажуромъ. Кромѣ кровати, стула у изголовья и стола, на которомъ стояла лампа, въ комнатѣ не было никакой другой мебели. Верхняя часть комнаты совершенно тонула въ полумракѣ, и казалось, что бѣлая кровать съ тѣломъ Толстого виситъ въ воздухѣ, парить въ этомъ потокѣ желтаго свѣта...

Двоимъ станціоннымъ служащимъ пришла удачная мысль: карандашами они зарисовали на стѣнѣ тѣнь, падавшую отъ тѣла и отъ кровати на стѣну. Эта тѣнь была видна настолько рѣзко, что зарисовать ее не стоило особаго труда. Предполагалось позднѣе запечатлѣть эту истрическую тѣнь масляной краской. Не знаю, удалось-ли осуществить это бла-

гое намѣреніе. На другой день носились упорные слухи, что жандармская полиція распорядилась стереть зарисованное.

Все возможно.

Ночь прошла довольно тревожно. Телеграфъ работалъ безъ устали. Народъ все прибывалъ, хотя и такъ уже негдѣ было помѣститься.

Около 7 часовъ утра 8-го ноября съ экстреннымъ поѣздомъ привезли гробъ и катафалкъ. Согласно волѣ Льва Николаевича, гробъ простой, натурального дуба, полированный, но безъ всякихъ металлическихъ украшеній и рѣзбы. Внутри — обить цинкомъ. Гробъ временно поставили на дворѣ, около крыльца. Его, конечно, сейчасъ же окружила густая толпа. Всѣ обращаютъ вниманіе на то, что на крышкѣ нѣтъ изображенія креста. Это обстоятельство оживленно обсуждается. За крестъ больше стоятъ женщины. Мужчины разсудительно объясняютъ:

— Нельзя, потому, онъ отлученъ отъ церкви.

— Да какъ же такъ? Этакій человѣкъ, и вдругъ отлученъ?

Въ отвѣтъ всѣ угрюмо молчатъ.

Съ девятичасовымъ поѣздомъ пріѣхалъ художникъ Пастернакъ. За кофе я разговорился съ нимъ:

— Думаете зарисовать Льва Николаевича?

— Непремѣнно.

И показываетъ карандаши пастельныхъ красокъ.

Въ одиннадцатомъ часу утра я пошелъ опять къ Льву Николаевичу. Неудержимо тянуло туда, въ эту маленькую комнату съ одинокой кроватью у лѣвой стѣны. Каждый разъ, когда я видѣлъ Льва Николаевича, неизмѣнно, неудержно лились слезы, дѣлалось невыразимо тяжело на душѣ, и все-таки я шелъ. Такъ хотѣлось запечатлѣть въ памяти всѣ малѣйшія подробности, запечатлѣть такъ, чтобы потомъ никакія житейскія бури не могли смести этихъ слѣдовъ...

На этотъ разъ я попалъ неудачно. Когда я вошелъ въ комнату, около кровати были чѣмъ-то заняты три фигуры въ бѣлыхъ балахонахъ. Сначала я подумалъ, что это врачи, но, когда одна изъ фигуръ отодвинулась въ сторону, я невольно ахнулъ: дорогое лицо было покрыто какой-то безформенной массой! Это формовщики снимали маску. Впечатлѣніе на непривычнаго человѣка эта картина произвела ужасное и я поспѣшилъ уйти.

До выноса тѣла событія развѣртывались очень быстро. Съ полчаса проработалъ художникъ Пастернакъ, наскоро сдѣлали свое дѣло фотографы, затѣмъ внесли гробъ и положили въ него тѣло.

Когда Софья Андреевна увидѣла гробъ, она сказала:

— Если Льва Николаевича кладутъ въ такой гробъ, то, когда я умру, меня надо положить въ простой тесовый ящикъ.

Посреди комнаты, противъ оконъ, помѣстили черный катафалкъ, на него поставили гробъ. У лѣвой стѣны (отъ входа) помѣстились желѣзнодорожныя депутаціи съ вѣнками, и затѣмъ былъ открытъ доступъ всѣмъ желающимъ проститься съ тѣломъ. Желающіе входили черезъ заднее крыльцо, медленно проходили мимо гроба, и выходили черезъ парадное крыльцо. Около двухъ часовъ тянулись эти вереницы.

За это время приготовили экстренный поѣздъ для перевозки тѣла. Первымъ отъ паровоза стоялъ вагонъ третьяго класса для желѣзнодорожныхъ служащихъ, получившихъ отъ начальника дороги разрѣшеніе проводить Льва Николаевича до Ясной Поляны. За этимъ вагономъ слѣдовали: вагонъ второго класса для дѣятелей печати, вагонъ управляющаго дорогой, салонъ-вагонъ, въ которомъ все время жила семья Льва Николаевича (этотъ вагонъ стоялъ на запасномъ пути, въ концѣ пассажирской платформы) и, наконецъ, вагонъ для тѣла. Это былъ обыкновенный багажный вагонъ. Администрація дороги не потрудились даже закрасить рѣзавшія глазъ слова—„багажъ“, не позаботилась обить снаружи вагонъ хотя бы чернымъ коленкоромъ. Невольно вспомнились похороны Антона Павловича Чехова, котораго везли въ Москву въ вагонъ съ надписью „устрицы“...

Уже когда поѣздъ былъ составленъ, кого-то осяѣнула счастливая мысль убрать вагонъ хотя-бы внутри. Появился солома и внутреннія стѣнки вагона скоро представляли собою сплошной переплетъ изъ сноповъ. Совсѣмъ въ духѣ Льва Николаевича.

Выносъ.

Между тѣмъ, толпа вокругъ дома все прибывала. Она загрохотала дворъ, заняла желѣзнодорожные пути и сплошной массой наполнила станцію.

Къ половинѣ второго прощаніе съ тѣломъ кончилось. Постороннихъ удалили изъ комнаты. Остался только одинъ стражникъ, какимъ-то нелѣпымъ пятномъ торчавшій у входной двери. Софья Андреевна крѣпко вцѣпилась въ изголовье гроба и припала лицомъ къ головѣ Льва Николаевича. Съ большимъ трудомъ сыновья отвели ее въ сторону.

Начался выносъ.

Впереді несли вѣнки. Никогда не забуду я этой минуты. Я видѣлъ, сквозь открытыя двери, какъ на крыльцо вынесли первый вѣнокъ изъ хризантемъ. Только что этотъ вѣнокъ показался въ дверяхъ, какъ на дворѣ тысячная толпа заплѣла „вѣчную память“. Печально-торжественные звуки ворвались въ комнату, наполнили собою все. Я выглянулъ въ окно— въ саду, на желѣзнодорожной линіи и дальше, на станціи, чернѣла сплошная масса народа и пѣла. Едва-ли около гроба остался хоть одинъ человѣкъ, который въ эту минуту могъ удержать слезы...

За вѣнками пачальникъ станціи И. П. Озолишъ съ сослуживцами несъ крышку гроба. За крышкой сыновья и близкіе родные несъ самый гробъ. За гробомъ вели Софью Андреевну, потомъ шли родные и въ заключеніе—журналисты.

Когда я вышелъ на крыльцо, гробъ колыхался уже около ограды двора. За родными толпа сомкнулась и я остался совершенно отрѣзаннымъ отъ станціи. Мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій пробраться на платформу. Не помогали даже мои мольбы и увѣренія, что мнѣ необходимо ѣхать съ поѣздомъ.

Когда я, наконецъ, добрался до поѣзда, гробъ уже успѣли внести въ вагонъ. Туда же вошли ближайшіе родные Льва Николаевича. Толпа все время пѣла, несмотря на усилія жандармской полиціи воспрепятствовать этому.

Въ 1 часъ 40 минутъ семья выходитъ изъ багажного вагона и помѣщается въ своемъ вагонѣ. Всѣ, имѣющіе право ѣхать, тоже спѣшатъ къ вагонамъ. Свистокъ кондуктора—

отвѣтный свистъ паровоза—и поѣздъ тихо начинаетъ двигаться. Толпа плыветъ мимо оконъ. Вотъ ушло назадъ знакомое станціонное зданіе, уже прекратились станціонные запасные пути, а издали все еще доносятся звуки пѣнія.

— Вѣчная па-амать...

Астапово достойно проводило своего великаго, случайнаго, незабвеннаго гостя.

II.

До Горбачева.

Поѣздъ шелъ медленно. Первая остановка была назначена въ Данковѣ, на разстояніи 22-хъ верстъ отъ Астапова. У промежуточныхъ станцій—Срезнева и Янушева, поѣздъ только замедлялъ ходъ, но замедлялъ настолько, что движеніе едва было замѣтно. На всѣхъ станціяхъ толпится народъ. При приближеніи поѣзда люди благоговѣнно снимаютъ шапки и жадно вглядываются въ хвостъ поѣзда, въ вагонъ съ дорожить прахомъ. И это повторялось на каждой станціи.

Въ Данковѣ—краткая остановка. Городской голова хотѣлъ возложить вѣнокъ, но администрація не позволила открыть вагонъ. Поѣздъ двинулся дальше. Опять медленно поплыли мимо оконъ станціи съ толпами благоговѣнно безмолвныхъ крестьянъ. При видѣ этихъ сосредоточенныхъ лицъ, чувствовалось, что люди пришли встрѣтить поѣздъ не изъ празднаго любопытства. Да и что любопытнаго въ нѣсколькихъ закрытыхъ вагонахъ, которые безостановочно проходятъ мимо! Нѣтъ, эти простые люди сознательно пришли проводить близкаго имъ по духу великаго писателя и мыслителя земли русской.

На станціи Куркино поѣздъ имѣлъ остановку въ нѣсколько минутъ. Здѣсь вагонъ съ тѣломъ открыли и допустили желающихъ проститься. Сюда пріѣхалъ сосѣдній помѣщикъ Трухачевъ. Онъ бесѣдовалъ съ Андреемъ Львовичемъ и заявилъ ему, что окрестные помѣщики открыли подписку на школьный фондъ имени Толстого въ Тульской губерніи.

Въ Куркинѣ-же намъ сообщаютъ, что на слѣдующей станціи, Птань, готовится встрѣча, будутъ пѣть „вѣчную память“.

Черезъ полчаса поѣздъ подходитъ къ станціи Птань. Платформа запружена народомъ. Толпа стоитъ около станціи, въ полѣ. Самая станція убрана зеленью. Но поѣздъ, какъ и на большинствѣ другихъ станцій, только замедляетъ ходъ и проплываетъ мимо, не останавливаясь.

Всѣ удивлены. Почему?

Оказывается, жандармская администрація распорядилась такъ, и ей пришлось подчиниться.

Между тѣмъ, начинается темнѣть. Приходимъ на станцію Волово. Здѣсь большая остановка, обѣдъ. Какъ и вездѣ, толпа народа. Когда поѣздъ покидаетъ Волово, уже совсѣмъ темно. Тѣмъ не менѣе, на всѣхъ станціяхъ, при тускломъ освѣщеніи рѣдкихъ фонарей, видны толпы народа. На какой-то станціи раздается „вѣчная память“, но пѣніе рѣзко обрывается: очевидно—приняты соотвѣтствующія мѣры.

Ночь въ Горбачевѣ.

Около девяти часовъ вечера прибываемъ на станцію Горбачево. Здѣсь намъ предстоитъ ночевать. Конечно, удобнѣе было-бы провести ночь на станціи Козлова-Засѣка, но у администраціи на этотъ счетъ свои соображенія: въ Козловой Засѣкѣ собралось тысячи народа. Если оставить тамъ тѣло на ночь, то будутъ пѣть „вѣчную память“, и т. д....

Поѣздъ долго передвигали по рельсамъ и, наконецъ, поставили на шестомъ запасномъ пути, противъ станціоннаго зданія. На станціи, конечно, знали о прибытіи тѣла Льва Николаевича, а потому станція переполнена. Но администраціей приняты нужные мѣры и къ поѣзду никого, кромѣ прѣхавшихъ съ нимъ, не пропускаютъ.

На нѣсколько мгновеній открываютъ траурный вагонъ, чтобы дать возможность служащимъ станціи возложить вѣнокъ.

Постепенно разочарованные люди покидаютъ станцію и къ 11 часамъ все стихаетъ.

Ясная, слегка морозная ночь. Вѣтрено. Тускло мерцаютъ станціонные фонари. Кое-гдѣ краснѣютъ путевые сигналы.

Черной, неясной громадой виднѣется поѣздъ, состоящій теперь всего изъ трехъ вагоновъ: траурнаго, для семьи и для журналистовъ. Въ пассажирскихъ вагонахъ опущены шторы, свѣта не видно. Въ траурномъ вагонѣ, въ отдѣленіи проводника, колеблется пламя свѣчп. Около вагоновъ мѣрнымъ шагомъ прохаживаются нѣсколько жандармовъ. При мысли о томъ, что здѣсь лежитъ Левъ Николаевичъ, величайшій изъ нашихъ современниковъ, тоскливо сжимается сердце. Развѣ такъ хоронятъ такихъ людей? На забытой станціи... безъ освѣщенія... безъ толпы... подъ охраной...

Тяжело.

Около полуночи разносится на станціи слухъ, что сейчасъ отгроютъ траурный вагонъ. Выхожу на платформу и вижу, что вагонъ, дѣйствительно, открываютъ. Спѣшу туда. По колеблющейся лѣсенкѣ взбираюсь въ вагонъ.

Печальное зрѣлище!

При тускломъ свѣтѣ двухъ фонарей все кажется особенно мрачнымъ. Среди вагона возвышается обитый чернымъ сукномъ ящикъ, въ которомъ скрытъ гробъ. Ящикъ сплошь покрытъ вѣнками. Металлическими и изъ живыхъ цвѣтовъ. Снопъ, которые днемъ украшали стѣнки вагона, придавали ему трогательно-уютный видъ, теперь кажутся какими-то зловѣщими, мертвыми. Вѣтеръ уныло свиститъ въ вентиляціонной трубѣ. Въ глубокомъ молчаніи стоятъ нѣсколько черныхъ фигуръ... Гнетущее зрѣлище...

Откуда-то появляются фотографы. Ярко вспыхиваетъ магній, и еще темнѣе кажется послѣ этихъ ослѣпительныхъ вспышекъ...

Всѣ выходятъ изъ вагона. дверцы съ грохотомъ захлопываются и опять все погружается въ мракъ и безмолвіе.

Затѣмъ и для кого ночью открывали вагонъ,—миѣ не удалось узнать.

Послѣдній перегонъ.

Около 5-ти часовъ утра 9-го ноября, еще до разсвѣта, печальный поѣздъ трогается въ путь изъ Горбачева. Несмотря раннее время, на всѣхъ станціяхъ опять народъ...

Въ 8 часовъ 15 минутъ поѣздъ прибываетъ на станцію

Козлова-Засѣка. Еще издали видна сплошная черная масса. Тысячи людей встрѣчаютъ Льва Николаевича. Запасные пути сплошь заняты приготовленными поѣздами. Поѣздъ еще далеко не подошелъ къ станціи, а ему навстрѣчу уже несутся мощные звуки „вѣчной памяти“. Едва двигаясь, проходятъ вагоны мимо помоста, на которомъ собрались делегации. Обнаженные головы, печальные лица, у многихъ щекамъ катятся слезы...

Скорбная, но величественная картина.

Поѣздъ останавливается.

III.

Выносъ со станціи.

Въ первый разъ Россія видѣла гражданскія похороны! Похороны безъ священныхъ пѣснопѣій, безъ церковныхъ сжегдъ. Но за то въ этихъ похоронахъ принимали участіе тысячи людей, скорбившихъ не по обязанности, а отъ чистаго сердца.

По приблизительному подсчету, на похоронахъ Льва Николаевича присутствовало до восьми тысячъ человекъ. Но если-бы администрація не чинила препятствія, если-бы были пущены все общанные поѣзда, если-бы, наконецъ, семья Толстого согласилась отложить похороны, хотя-бы на одинъ день, число участниковъ пришлось-бы считать десятками тысячъ.

Хмурое осеннее утро. Слегка морозить.

Какъ только поѣздъ остановился, дверцы траурнаго вагона открыли. Черезъ минуту изъ своего вагона выходятъ родные Льва Николаевича. Софью Андреевну ведутъ подъ руки. Она опирается на складной стулъ-палку. У вагона ее усаживаютъ на приготовленный стулъ. Видъ у нея очень нехорошій. Глаза ввалились, блѣдныя губы непрерывно дрожать. Взглядъ ея случайно падаетъ на стулъ-палку и она ни къ кому не обращаясь, тихо произноситъ:

— Его палка... Его...

Въ темной пасти вагона появляется закрытый гробъ. Его выносятъ родные. На помостъ гробъ принимаютъ яснополянскіе крестьяне. Тѣ же крестьяне возлагаютъ вѣнокъ изъ еловыхъ вѣтвей и образуютъ вокругъ гроба и родныхъ живую цѣпь. Вторая цѣпь состоитъ изъ литераторовъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей. Затѣмъ слѣдуетъ плотная цѣпь учащейся молодежи.

Замкнутый въ это крѣпкое кольцо, гробъ движется по дорогѣ внизъ, къ мосту. Сплошной черной массой толпа устилала все видимое отъ станціи пространство. Я стоялъ на помостѣ до тѣхъ поръ, пока гробъ не поднялся навверхъ, къ рощѣ, а толпа будто все еще не убывала. И, когда я, наконецъ, тоже двинулся по пути къ Ясной Полянѣ, я очутился среди невообразимой тѣсноты и давки. По одному этому можно судить, на какомъ протяженіи растянулось шествіе.

Впереди гроба двигались пять подводъ съ вѣнками. Затѣмъ крестьяне на двухъ шестахъ несли большую полосу бѣлой матеріи, на которой крупными буквами было написано:

„Левъ Николаевичъ, память о твоёмъ добрѣ не умреть среди насъ, осиротѣвшихъ крестьянъ Ясной Поляны“.

Мнѣ рассказывали, какое впечатлѣніе произвела на яснополянскихъ крестьянъ вѣсть о кончинѣ Льва Николаевича. Узнали они о ней только въ понедѣльникъ вечеромъ. Сейчасъ же собрали сходъ и рѣшили: своими силами вырыть могилу, на своихъ рукахъ донести гробъ отъ станціи, нарубить ельнику и посыпать имъ дорогу. На томъ же сходѣ были собраны деньги на вѣнокъ. Работали почти всю ночь. Всю ночь избы были освѣщены...

Гробъ подняли на плечи, такъ что онъ будто виситъ надъ толпой. По всему пути не смолкаетъ пѣніе „вѣчной памяти“.

Въ Ясной Полянѣ.

Около одиннадцати часовъ утра голова шествія входитъ въ ворота яснополянской усадьбы. Миновавъ аллею, крестьяне вносятъ гробъ въ домъ.

Левъ Николаевичъ вернулся.

Вслѣдъ за гробомъ въ домъ входятъ родные и близкіе друзья покойнаго, послѣ чего двери закрываются.

Въ ворота усадьбы вливается народная волна и скоро весь домъ окруженъ плотнымъ кольцомъ людей, стоящихъ плечомъ къ плечу.

На крыльцѣ появляется Левъ Львовичъ и громко объявляетъ, что черезъ часть доступъ къ тѣлу будетъ открытъ для всѣхъ. Пока же съ Львомъ Николаевичемъ хотять остаться его близкіе.

Тысячная толпа молчитъ, и это молчаніе удивительно подчеркиваетъ то благоговѣйное настроеніе, которое неизмѣнно царило на похоронахъ Льва Николаевича.

Часъ проходитъ незамѣтно. Студенты дѣловито разставляютъ толпу въ одинъ длинный хвостъ, для очереди. Хвостъ черной лентой извивается по дорожкамъ парка, выходитъ къ рощѣ, вновь возвращается къ дому и, въ концѣ концовъ, для не стоящихъ въ очереди становится непонятнымъ, гдѣ начало и гдѣ конецъ.

Двери яснополянскаго дома открываются. Первыми проходятъ делегація.

Открытый гробъ стоитъ среди небольшой низкой комнаты, на возвышеніи. Жадно вглядываются люди въ незабвенныя черты. Слышенъ шопотъ:

— Какъ пзмѣнился. Совсѣмъ узнать нельзя...

И это правда.

За время пути лицо Льва Николаевича стало неузнаваемымъ. Оно потемнѣло, осунулось, носъ заострился, нижняя челюсть слегка отвисла, темя стало совершенно багровымъ. Кажется, что это другой человѣкъ, не тотъ Левъ Николаевичъ, который такъ мирно спалъ на кровати въ воскресенье утромъ, въ Астановѣ. Какъ жаль, что тогда его удалось видѣть только немногимъ!

Безконечной вереницей тянутся люди. Входятъ въ одну дверь, низко кланяются гробу, выходятъ въ другую. Нѣкто-

рые становятся на колѣни и отдають земной поклонъ. У всѣхъ на глазахъ—слезы. Временами въ паркѣ поютъ „вѣчную память“.

Проходятъ часы, а люди все идутъ. И кажется, что конца имъ не будетъ.

Только въ четвертомъ часу, когда уже начинается смеркаться, прощаніе кончено. Посторонніе покидаютъ домъ. У гроба остаются одни близкіе. Происходитъ тяжелая сцена послѣдняго прощанія.

Молча, замеревъ въ ожиданіи, ждетъ толпа. Путь къ могилѣ отѣпленъ студентами и крестьянами.

Но вотъ, изъ дома доносятся громкія рыданія. Значить, гробъ закрываютъ. Черезъ нѣсколько минутъ двери распахиваются и въ нихъ показывается гробъ...

Въ послѣдній разъ...

Ближайшіе ряды, будто по командѣ, опускаются на колѣни. Могучимъ потокомъ несутся звуки „вѣчной памяти“. Тихо колыхаясь, плыветъ гробъ. И при его приближеніи люди благоговѣйно склоняють колѣни: мимо нихъ идетъ домой Великій, Недосягаемый...

До могилы идти недалеко, всего около двухсотъ сажень.

У МОГИЛЫ.

Левъ Николаевичъ, какъ извѣстно, самъ намѣтилъ мѣсто для своей могилы. Это мѣсто находится на опушкѣ такъ называемой „Аониной“ рощи. Здѣсь находится небольшой плоскій курганъ, окаймленный десяткомъ молодыхъ дубковъ. Посреди этихъ дубковъ и вырыта могила. Курганъ усыпанъ сѣномъ, а между дубками протянута веревка, которая замѣняетъ ограду.

Приносятъ гробъ. опускаютъ его въ могилу. Согласно волѣ семьи, никакихъ рѣчей не произносятъ. Всѣ стоятъ на колѣняхъ.

Глухо стучать о крышку гроба комья мерзлой земли. Среди наступившей тишины слышны рыданія. Уже сильно потемнѣло и эта колѣбнопреклоненная толпа производитъ трагическое впечатлѣніе...

Черезъ нѣкоторое время на бугрѣ происходитъ движеніе. Близкіе Льва Николаевича, понутивъ головы, идутъ къ дому. Все кончено.

Снова звучитъ „вѣчная память“. Къ могильному холму, представляющему собою грудѣ вѣнковъ, тянутся желающіе еще разъ поклониться. Другіе направляются къ станціи.

Поздно вечеромъ я уѣзжалъ изъ Козловой Засѣки. Стояла настоящая осенняя ночь. Отъ чернаго неба нельзя было отличить лѣса. Со стороны Ясной Поляны все еще протекали потоки участниковъ великихъ похоронъ. Изрѣдка подѣзжали извозчики. Ихъ не было видно. Слышался только грохотъ колесъ. Мерзлая земля гулко разносила этотъ грохотъ и онъ казался какимъ-то таинственнымъ, страшнымъ.

Смутно рисовалось что-то въ родѣ горы. И казалось, что изъ пѣдръ этой горы гремитъ громъ. Вспоминалась легенда о сказочномъ великанѣ, скрывшемся въ горѣ...

Великанъ ушелъ...

Болезнь и смерть Л. Н. Толстого.

Протоколъ врачей.

Считаемъ своимъ долгомъ передъ всѣми изложить постепенный ходъ послѣдней болѣзни Льва Николаевича, котораго мы, какъ врачи, наблюдали до самой его смерти.

28-го октября, какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ оставилъ Ясную Поляну; рѣшеніе уѣхать было имъ принято послѣ продолжительной и тяжелой душевной борьбы. Состояніе его здоровья было удовлетворительно, хотя онъ чувствовалъ себя физически нѣсколько слабымъ. Изъ Ясной Л. Н. направился чрезъ Щекино на ст. Горбачево, откуда до Козельска ѣхалъ въ тѣсномъ, переполненномъ, душномъ вагонѣ 3-го класса, прицѣпленномъ къ товарному поѣзду, и, чтобы освѣжиться, часто выходилъ на площадку. Изъ Козельска онъ собирався ѣхать къ своей сестрѣ Маріи Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій на 18 верстъ отъ станціи, но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувъ, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ почевалъ и провелъ весь день 30-го октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую слабость и недомоганіе, но тѣмъ не менѣе 31-го. рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны, ея друга Варв. Мих. Θεокритовой, пріѣхавшихъ къ нему наканунѣ, и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ), а оттуда по Рязанско-уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ и Ростовъ-на-Д. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо.

затѣмъ сталъ жаловаться на познабливанье. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Льва Николаевича рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станціи. Этой станціей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станціи И. И. Озолинь любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала. Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры; здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія, а затѣмъ съ нимъ сдѣлался непродолжительный (около минуты) припадокъ судорогъ въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ. Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи т° поднялась до 39,8, появился кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Ночь съ 31-го на 1-е ноября спалъ очень плохо. Къ утру т° пала до 36,2, но Л. Н. чувствовалъ большую слабость; весь день лежалъ въ постели; диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появился ознобъ; т° поднялась до 39,1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи; кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ выше 100 съ перебоями. Было предположено воспаленіе легкихъ; положенъ согревательный компрессъ; назначено вино. Ночь на 2-е ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ т° 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Исслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100—110 съ перебоями. Вечеромъ т° 39,1. Ничего не ѣлъ. Вечеромъ впадалъ въ забытіе. Изъ лѣкарствъ давался строфанъ и вино. Ночь на 3-е ноября спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, слова отхаркнулъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ т° 36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита нѣтъ. Печень нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля. Животъ нѣсколько вздутъ. Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней долѣ лѣваго легкаго, подъ лопаткой; въ правомъ легкомъ явленіе бронхита и застоя. Сердце расширено: при выстукиваніи притупленный звукъ вправо до середины грудныя, влѣво—до сосковой линіи. То-

ны глухи, выслушиваются неотчетливо. Пульсъ 100—120 съ частыми перебоями,—пульсовые волны неравномѣрны, многія выпадаютъ. Въ мочѣ значительное количество бѣлка. Сознаніе ясное; днемъ Л. Н. лежа писалъ въ послѣдній разъ свой дневникъ, диктовалъ свои мысли, просилъ ему читать вслухъ. Почти ничего не ѣлъ. Лѣчение: согревающий компрессъ, строфантъ, вино, камфора подъ кожу, клизма; пилъ глотками Vichy. Т° вечеромъ 37₈; дѣятельность сердца къ вечеру нѣсколько улучшилась.

Ночь на 4-е ноября провелъ очень тревожно, всю первую половину ночи бредилъ, стоналъ. Утромъ т° 38₁₁. Слабость увеличилась. Л. Н. уже не писалъ дневника, изрѣдка пытался диктовать свои мысли, бредилъ днемъ. Воспалительный процессъ въ легкомъ безъ перемѣны; изрѣдка кашлялъ и отхаркивалъ желтоватую густую мокроту въ очень небольшомъ количествѣ. Частота дыханія увеличилась до 36. Дѣятельность сердца слабѣе; пульсъ чаще (120—130), перебоевъ больше. Отказывался отъ пищи и лѣкарствъ. Сильная изжога и жажда. Пилъ немного молока и Vichy. Частые позывы на мочеиспусканіе; моча мутна, содержитъ довольно много бѣлка. Днемъ большая слабость, сонливость; во время пробужденія отъ сна, сознаніе вполнѣ ясное; говорилъ очень мало; мало интересовался окружающимъ. Лѣчение: камфора (4 раза) и кофеинъ (2 раза) подъ кожу, вино, клизма. Т° вечеромъ 38₄. Появилась рѣдкая икота.

Ночь на 5-е почти не спалъ, былъ очень возбужденъ, все бредилъ, метался въ постели, то садился, то снова ложился, говорилъ невнятно. Сильная одышка (40—44), плохой слабый пульсъ. Ночью—2 впрыскиванія 20%-наго раствора камфоры. Утромъ т° 37₁. При выслушаніи сердца опять расстройство ритма (эмбриокардіи). Угнетенное и подавленное состояніе. Тѣмъ не менѣе сознаніе ясное, воспримчивость къ вѣшнимъ впечатлѣніямъ не понижена. Почти на всѣ предложенія пищи отвѣчалъ отказомъ и просилъ его какъ можно меньше тревожить, не позволялъ себя перекладывать на другую постель; нѣсколько разъ мочился подъ себя; весь день—икота. Послѣ клизмы обильное послабленіе и нѣкоторое улучшение самочувствія. За день выпрыснуто 2 шприца дигалена, 3—камфоры, 1—кофеина. Т° вечеромъ 37₄.

Первую половину ночи на 6-е ноября спалъ довольно спокойно, вторую—тревожно, громко стоналъ отъ икоты и

пзжоин; пульсъ былъ слабый, частый, съ большими пере-
боями. За ночь выпрыснуто 2 шприца камфоры. Т^о утромъ 37^{.,2}.
Большая слабость, одышка, икота. Утромъ подъ кожу выпрыс-
нуты дигалень и камфора, сдѣлана клизма.

Около полудня состоялся консилиумъ съ д-рами Щуров-
скимъ и Усовымъ. При изслѣдованіи найдено: воспалитель-
ный процессъ въ легкомъ въ прежнемъ положеніи, дѣятель-
ность сердца слаба: значительное число пульсовыхъ волнъ
не доходить; размѣры сердца прежніе; ритмъ сердца непра-
вильнъ (эмбриокардія). Икота. Животъ мягокъ; въ мочѣ—бѣ-
локъ. Сонливость, сознаніе ясное. Около 2-хъ часовъ дня не-
ожиданное возбужденіе: сѣлъ на постель и громкимъ голосомъ.
внятно сказалъ окружающимъ: „Вотъ и конецъ!.. И ничего!...
а затѣмъ: „Только одно я прошу васъ помнить: на свѣтѣ про-
пасть народа, кромѣ Льва Толстого, а вы помпите одного
Льва“. Вслѣдъ за этимъ наступилъ рѣзкій упадокъ сердеч-
пой дѣятельности (коллапсъ): пульсъ едва прощупывался.
появилась синева (ціанозъ) ушей, губъ, носа, ногтей; ко-
нечности похолодѣли. Выпрыснуто два шприца камфоры, 1—
кофепна, примѣнено дыханіе кислородомъ и согрѣваніе око-
печностей. Понемногу пульсъ сталъ улучшаться, ціанозъ
исчезъ, и больной заснулъ. Къ вечеру самочувствіе нѣсколько
лучше; сдѣлано впрыскиваніе дигалена, затѣмъ камфоры и
поставлена теплая клизма пзъ 200 gr. солянаго раствора. Л.
Н. попросилъ ѣсть, выпилъ въ теченіе вечера три малень-
кихъ стаканчика молока и сѣлъ немного овсянки. Нѣсколько
разъ произвольно мочился. Сознаніе было вполне ясное. Но
къ концу вечера усилилась икота и одышка. Послѣ полуночи
одышка дошла до 60-ти дыханій въ минуту; икота участилась
еще больше. Л. Н. сталъ стонать, метаться по постели, вска-
кивать; состояніе тоски, недостатка воздуха и икоты было на-
столько мучительно, что было рѣшено выпрыснуть 0,01 морфія
(въ 12 часовъ 15 минутъ ночи). Л. Н. заснулъ, икота прекра-
тилась, одышка уменьшилась до 36-ти. Съ 2-хъ час. ночи
пульсъ, несмотря на вспрыскиваніе камфоры, сталъ падать,
сдѣлался интвиднымъ. Предпринятые впрыскиванія солянаго
раствора замѣтнаго вліянія на пульсъ не оказали. Тѣмъ не
менѣе сознаніе еще сохранилось: Л. Н. реагировалъ на оклики,
сдѣлалъ 1—2 глотка предложенной воды. Въ виду опасности
положенія была приглашена вся семья. Съ 5-ти час. утра
пульсъ сталъ пропадать, дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ,

я въ 6 часовъ 5 минутъ утра (по московскому времени) Л. Н. тихо, безъ страданій, скончался, окруженный женой, дѣтьми и друзьями.

Л. Н. лежалъ, какъ выше было сказано, въ домѣ начальника станціи И. П. Озolina, гдѣ въ его распоряженіи было двѣ довольно большихъ комнаты. Съ гигиенической стороны обстановка была удовлетворительна. Непосредственный уходъ за Л. Н. лежалъ на врачахъ, его дочери Александрѣ Львовнѣ, ея другѣ Варварѣ Михайловнѣ Теокрытовой и В. Г. Чертковѣ. Нѣсколько разъ у постели больного были его дѣти: Татьяна Львовна Сухотина и Сергѣй Львовичъ. Остальные члены семьи все время находились вълпзи, но въ комнату больного не входили: на семейномъ совѣтѣ, согласно съ предложеніемъ врачей, было рѣшено, чтобы никто другой изъ родныхъ не входилъ къ Л. Н., такъ какъ были основанія думать, что Л. Н. сильно взволнуется при появленіи новыхъ лицъ, что могло роковымъ образомъ отразиться на висѣвшей на волоскѣ его жизни.

Смерть Л. Н. послѣдовала отъ быстро наступившаго упадка сердечной дѣятельности. Во время прежнихъ тяжелыхъ заболѣваній дѣятельность сердца также бывала очень ослаблена, но благодаря своему крѣпкому организму, главнымъ образомъ необычайнымъ душевнымъ силамъ, Л. Н. выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы. Это давало надежду, что и на этотъ разъ сильный организмъ Л. Н., хотя и постарѣвшій, но достаточно крѣпкій, побѣдитъ инфекцію. Однако, по нашему мнѣнію, сильныя душевныя потрясенія послѣдняго времени и утомленіе отъ необычайнаго путешествія настолько ослабили нервную систему и сердце Л. Н., что болѣзнь приняла сразу тяжкій характеръ и привела къ роковому концу. Всѣхъ ухаживавшихъ за нимъ Л. Н. трогалъ своей ласковостью и ибжнымъ отношеніемъ, которыя никогда не изглаждаются у тѣхъ, кому на долю выпало счастье послужить Л. Н. въ послѣдніе дни его жизни.

Д. П. Маковицкій. Д. В. Никитинъ, Г. М. Беркенгеймъ.
Ясная Поляна, 9-го ноября 1910 г.

Р. С. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы эта статья была перепечатана другими газетами.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. „ВОСКРЕСЕНІЕ“. <i>В. А. Анзимировъ.</i>	9
Ушель...	11
Переполохъ	13
Перезвонъ	16
На судъ святѣйшаго синода.	19
Не стало...	22
Странички жизни	25
Слава земли	28
Три лица	31
Ожившія грѣзы.	36
Воскресеніе слова.	38
На судъ Вожіемъ	41
II. „ВѢНИКИ“. <i>Б. Н. Звонаревъ</i>	45
Святая могила	47
Около Великаго.	48
Чудесное въ жизни Толстого.	52
Вревно и куль травы	55
Императоръ Александръ III и Левъ Толстой.	56
Толстой педагогъ	58
Послѣдняя легенда	60
III. „ЗАКАТЪ“. <i>В. А. Готвальдъ</i>	65
Послѣдніе дни	67
Конецъ	73
Прощаніе	76
Паломничество	78
Выносъ	82
До Горбачева.	83
Ночь въ Горбачевѣ	84
Послѣдній перегонъ	85
Выносъ со станціи	86
Въ Ясной Полянѣ.	88
У могилы	91
Болезнь и смерть Л. Н. Толстого. Протоколъ врачей	92

